МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Антон ДЕМЧЕНКО

ВОЗДУШНЫЙ СТРЕЛОК. НАЕМНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Воздушный стрелок

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Наемник

«АЛЬФА-КНИГА»
2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Демченко А. В.

Воздушный стрелок. Наемник / А. В. Демченко — «АЛЬФА-КНИГА», 2018 — (Воздушный стрелок)

После суматошного, насыщенного событиями года Кирилл Николаев совсем не горит желанием окунуться в очередную авантюру. У юного гранда и без того уйма планов и дел. Но кто ж его будет спрашивать? И вот вместо возведения «крепости» – будущего родового гнезда и обучения набранных учеников Кирилл вновь вынужден искать выход из тупика, в который его завели интриги неразборчивого в средствах сюзерена. Что ж, бывшему офицеру, бояричу и мещанину не привыкать ломать чужие планы. А собственные… их можно и сдвинуть немного, раз уж так сложились обстоятельства.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Демченко А. В., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Пролог 5
Часть первая 8
Глава 1 8
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 34
Часть вторая 40
Глава 1 40
Глава 2 47
Глава 3 53
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Антон Демченко
Воздушный стрелок. Наемник

Пролог

Ольга потянулась и, сладко зевнув, открыла глаза. Обведя сонным взглядом залитую солнечным светом спальню, девушка довольно вздохнула. Выходной!

Но, взглянув на пустующую половину кровати, покачала головой… Ожидаемо. У нее-то выходной, а вот у Кирилла вновь забот полон рот. Опять удрал куда-то с утра пораньше. Неугомонный… Хотя-а… ночью она была только рада этой самой неугомонности…

Ольга мечтательно улыбнулась и, тряхнув гривой роскошных русых волос, поднялась с постели. Бросив взгляд на собственное отражение в зеркале, девушка хотела было уже стереть с лица довольную улыбку, чтобы избежать подколок Милы и Лины, но… замерла на месте и, чуть подумав, довольно фыркнула. Да и черт с ними! Пускай завидуют. Тем более что есть чему…

Мысли Ольги плыли, цепляясь одна за другую, уводя по цепочке ассоциаций все дальше и дальше. И вновь, уже в который раз, привели ее к теме отношений Кирилла и близняшек. Учит, заботится, бережет и защищает, да… но при этом ведет себя с ними отстраненно, порой даже откровенно холодно. Словно с чужими. А сестры, несмотря ни на что, принимают это как должное…

Четко очерченные тонкие брови нахмурились. Нет, Ольга помнила признание Милы и Лины в том, что раньше они вели себя с Кириллом не очень-то красиво. Так ведь сейчас ничего подобного и в помине нет, разве не так? Да девчонки и прощения просили, она точно помнит. Ее суженый тогда еще рукой махнул – проехали, мол… Махнул-то махнул, но отношения к близняшкам не изменил…

Поговорить с женихом, попытаться убедить его? В чем? Нет, стоп… Оля прикусила губу и, задумчиво уставившись в окно, побарабанила короткими, но ухоженными ногтями по подоконнику. Прежде чем убеждать его в чем-то, нужно разобраться в происходящем, точнее, в происшедшем. Нужно поговорить с Киром, выяснить причины такого его отношения к близнецам, а уж потом… Да, потом можно будет что-то решать. Иначе велика вероятность, что она вновь накосячит… не хотелось бы.

Оля решительно кивнула собственным мыслям и, поежившись от ворвавшегося в форточку холодного весеннего воздуха, отправилась приводить себя в порядок.

После завтрака, за которым Лина с Милой действительно выдали несколько двусмысленных шуточек по поводу фонящей довольством и негой девушки, на что та лишь чуть снисходительно улыбнулась, Ольга по уже сложившейся привычке отправилась в гараж, где они с Роговым до недавнего времени проводили по шестнадцать часов в сутки, отрабатывая предложенную Кириллом идею создания настоящего «спортивного» тактического комплекса.

Когда закончилась свистопляска с мятежом и «Трехдневной войной», стыдливо названной в иностранных изданиях «пограничным конфликтом», Кирилл, застав Олю у спасплатформы, с печальным взором рассматривающую открытые пеналы с замершими в них фигурами ЛТК, тихо хмыкнул.

– Соскучилась по беготне в «Визеле»? – поинтересовался жених, обнимая ее за талию. Можно сказать, интимно прошептал на ухо…

– Обидно. Такая вещь, и… Будет стоять без дела, – кивнула в ответ Оля, старательно не обращая внимания на действия жениха. Ну, пытаясь не обращать внимания.

– Через два-три месяца идем регистрировать их в Дорожный приказ, – улыбнулся Кирилл.

– Ты все-таки решил это сделать?! – удивленно воскликнула Оля, моментально развернувшись в кольце рук жениха и оказавшись с ним лицом к лицу.

Тот кивнул.

– Разумеется. Мы ведь изначально планировали поступить именно так.

– Да… но ведь… я думала, ты решил это сделать в том случае, если ЛТК засветятся… – протянула Оля.

– Хм. Визит к начальнику Пятого стола Преображенского приказа… точнее, теперь уже к главе всего приказа, ты засветкой не считаешь? – воскликнул Кирилл.

– Ох… Но ведь Вербицкий – твой… наш союзник. Разве нет?

– И вассал государя, не забывай. Более того, именно его ведомство отвечает за то, чтобы бояре не прыгали выше головы. А владение ЛТК иначе расценить невозможно.

– И… что теперь? – нахмурилась Ольга.

– Как я и сказал, идем в Дорожный приказ, – пожал плечами Кирилл и вдруг хитро улыбнулся. – Но перед этим продемонстрируем кое-кому ваше с Жориком изобретение.

– Мм?

Известие о том, что цесаревич возжелал взглянуть на «спортивные» тактические комплексы, вызвало у Оли сначала легкий ступор, а потом… на лице Бестужевой расцвела совершенно сумасшедшая улыбка. Впрочем, ненадолго.

– Кирилл, когда?!

– На День тезоименитства царевича Юрия. Шестого мая.

– И ты только сейчас мне об этом говоришь?! – Оля легонько стукнула жениха по груди. – У нас же чуть больше месяца осталось! А тут дел невпроворот!

– Каких дел, милая? – фыркнул Кирилл. – Просто снимите с двух ЛТК вооружение, и все!

– Ты не понимаешь… если бы… – Оля моментально включилась в рабочий режим, посерьезнела. – Нет-нет. Готовить машины придется всерьез. И возни там будет очень много. На одну только разборку «Визеля» уйдет не меньше трех дней. А ведь она совсем не главное, нужно будет разобраться с тем, какие системы оставить, какие убрать… а отладка?! Не дай бог, на показе что-то пойдет не так. Опозоримся… ай, да кому я говорю! Где Жорик?! Нам нужно приступать к работе немедленно!

– Стоп-стоп-стоп, солнышко! – рассмеялся Кирилл. – Ты ничего не забыла? У тебя, между прочим, как и у Георгия, кстати, еще и учеба в Павловском.

– С сентября, – фыркнула в ответ Ольга и, щелкнув коммуникатором, продемонстрировала Кириллу письмо из деканата. – Все слушатели отправлены в академический отпуск… Литературы надавали – жуть!

– М-да… – Кирилл прочел послание. – Так бы и говорила, что просто хочешь повозиться с железками.

– Кирилл… – с укоризной в голосе проговорила Оля, но тот только улыбнулся в ответ:

– Я ведь не возражаю, Оленька. Но… выслушай мое предложение. Чем разбирать «Визелей», уже готовых к регистрации, а значит и к показу, лучше подумай о том, как можно сделать спортивный ТК с нуля.

– Зачем? – не поняла Ольга.

– Какая нехозяйственная невеста мне досталась, – притворно печально вздохнул Кирилл. – Подумай сама. Демонстрация даст нам гарантированную возможность зарегистрировать машины в Дорожном приказе. Так?

– Так, – кивнула Оля.

– Как ты думаешь, а много ли у нас в стране владельцев тактических комплексов, которые имеют возможность проделать то же самое? Вижу, дошло. Гром-завод и Рюминские верфи…

Но они сидят на военных заказах, им нет необходимости лезть в эту детскую песочницу. Пока нет, разумеется.

– Ты хочешь заняться производством спорт-ТК… – вдруг прозрела Оля.

– Не то чтобы уж очень хочу, – ответил Кирилл. – Но фактически мы получили обещание такой привилегии от государя. А тебе, как я вижу, очень нравится возиться с ТК, разве нет? Ну и как тут не воспользоваться стечением обстоятельств? А если учесть, что Вербицкий, докладывая о происшествии в своем доме, фактически прикрыл нас своей… хм… полуправдой…

– Поняла… – задумчиво кивнула невеста и вдруг улыбнулась. – Действительно, это очень удачное стечение обстоятельств. Или очень уж витиеватая благодарность Анатолия Семеновича.

– Одно другому не мешает, – сказал Кирилл и добавил совсем другим, куда более серьезным тоном: – Но скажу честно, это еще и завуалированное предупреждение от цесаревича Михаила. Чтобы не прыгал выше головы и не считал, что теперь мне сойдет с рук любая выходка.

– Ты точно не брал уроков у моего батюшки? – прищурилась Ольга. Жених продолжал ее удивлять своими выводами, порой больше подходящими прожженному дипломату, чем пятнадцатилетнему юнцу. Впрочем, называть юнцом Кирилла Николаева, как успела убедиться Ольга, значит очень сильно недооценивать самого молодого гранда в истории.

И вот наступил конец апреля. Работы по отладке «Визелей», на которой она все же смогла настоять, закончены, и… Хм, а зачем тогда Ольга идет в гараж? Тем более что еще вчера Кирилл предупредил ее, что забирает с собой обоих Роговых, решать какие-то важные вопросы. Правда, какие именно, так и не сказал. Впрочем, она и не расспрашивала его особо.

Зачем, если и так легко догадаться, что Кирилл решил заняться делами своих людей. Нужно же отдать Ингу в школу, найти брату с сестрой подходящее жилье, обставить его. Учитывая, что Кирилл, кажется, решил основательно осесть в Костроме… все правильно. Не вечно же Жорику с Ингой гостевать в поместье Бестужевых? Нет, никакого стеснения или недовольства, особняк огромен, и двумя обитателями больше или десятью, на удобстве проживания в имении это никак не скажется, но… у Роговых должен быть собственный дом. В этом Кирилл абсолютно прав, и Ольга с ним согласна. Свой дом – это гарантия стабильности, опора, без которой человек просто перекати-поле. И если Жорику, как холостому мужчине с профессией на руках, наличие или отсутствие дома погоды не делает, то Инга… Молодец Кирилл!

Оля остановилась на пороге гаража и с удивлением заметила, что спасплатформа исчезла. Интересно… жених решил отправиться по делам на этом монстре? Вот жители Костромы обрадуются-то, увидев на улицах оранжевого гиганта…

– Оля! Где ты ходишь?! – Возникшая за спиной девушки Елизавета мгновенно оказалась рядом и, покачав головой, помахала ладонью перед лицом задумавшейся подруги.

– А? Что? – пришла в себя Бестужева. – Что случилось, Лиз?

– Машина ждет, – со вздохом сообщила та и, заметив непонимание на лице Оли, качнула головой. – Ты что, не читала записку Кирилла? Едем в город. Он целый список оставил, что нам нужно купить для дальнейших тренировок… И что-то мне подсказывает, что проходить они будут не на полигоне…

Часть первая
Просто не бывает

Глава 1
В старинном городе…

Вопреки моим ожиданиям, выбору нового места жительства больше порадовался Георгий, чем Инга. Но когда я объяснил все нюансы предстоящего нам дела, настроение девочки сразу подскочило чуть ли не до облаков. Хотя мысль о скором возвращении в школу нет-нет да и приходила ей в голову, отчего она начинала хмуриться. Впрочем, печали ее хватало ненадолго, и вскоре Инга вновь улыбалась.

Дом. Это будет большой дом в ближайшем пригороде Костромы. Я не собираюсь покупать квартиру в городе, такой вариант меня не устраивает совершенно. А значит, сегодня мы с Жориком и Ингой забираем в конторе нашего агента по недвижимости и едем за город осматривать имеющиеся в продаже земельные участки. Может, повезет, и сможем с ходу подобрать подходящий.

Казалось бы, с какой стати я вообще диктую какие-то условия, если дом предназначен для Роговых? Ну, так думает Ольга… на самом деле у меня в планах покупка земли, на которой будет стоять наш с ней дом. А Инга и Жорик – мои люди, так что их мнение мне не безразлично. К тому же вот уже две недели сестра Жорика доставала Олю вопросами на тему «своего» нового дома.

Эта хитрюга так качественно изобразила глубочайшую заинтересованность в том, каким будет ее новое жилище, что Оля, по-моему, даже не поняла, как описала ей свое собственное видение идеального дома. Хотя, если быть откровенным, Инга несколько заигралась и, стараясь выполнить «задание начальства» и не спалиться, на волне энтузиазма задолбала всех без исключения обитателей костромского имения… Увлекающийся ребенок, что тут скажешь. А сколько я ей теперь десертов должен, подумать страшно…

Жители Костромы, завидев мою спасплатформу, головы посворачивали, пытаясь рассмотреть ее получше и убедиться, что это не сон. Ничего странного. В обычных условиях эти машины не появляются в городах. Их вотчина – пересеченная местность. Леса, болота, дальние, расположенные в труднодоступных местах хутора и поселки – вот куда гоняют подобные агрегаты, а в черте города они редкие гости, и делать им там вроде как нечего. Кстати, дорожники тоже так считают, потому, пока мы добирались до нужной нам конторы, мне пришлось четыре раза демонстрировать документы на машину удивленным работникам полосатого жезла.

Ну да, недаром же я платил такие деньги за модернизацию платформы, сотрудники мастерской чин чином провели все изменения через Дорожный приказ, так что теперь никто не может запретить мне передвигаться на ней по дорогам общего пользования. Ну… когда права получу. А пока за рулем сидит Рогов и, кажется, вовсю наслаждается процессом управления этим монстром. Завидно, да. А что делать?

– Мм… Кирилл Николаевич? – переводя взгляд с меня на Жорика и обратно, проговорил агент, моложавый дядька, подтянутый, спортивный, но при этом явственно прихрамывающий.

Я кивнул:

– Он самый. А вы, я так полагаю, Игорь Сергеевич Северский?

– Да… – как-то неуверенно подтвердил тот, но тут же встряхнулся и, чуть заметно улыбнувшись, взял со стола папку с документами. – После нашей заочной беседы я подготовил

несколько вариантов для просмотра. Так что, если вы не против, можем ехать прямо сейчас. Моя машина в вашем…

– Не стоит, Игорь Сергеевич, – улыбнулся я в ответ. – На нашей машине будет удобнее.

Вот на выходе из конторы агента и зацепило. Как раз в тот момент, когда я открыл дверь, ведущую в салон спасплатформы. Он перевел шалый взгляд с меня на машину, потом на невозмутимого Жорика, деловито забирающегося в кабину, и… икнул. Видок у него был – хоть сейчас бери кисть и пиши с агента аллегорию изумления.

– Это что?

– Моя машина, – пожал я плечами в ответ. – Но пока у меня нет прав на управление ею, водителем работает Георгий. Да вы не стойте столбом, забирайтесь в салон… и едем.

– А… да-да, конечно. Едем. – Заторможенно кивнув, агент тем не менее довольно ловко забрался в салон спасплатформы, где Инга тут же усадила ошалевшего беднягу в кресло и, вежливо поздоровавшись, предложила на выбор чай или кофе. Но ничего, Игорь Сергеевич довольно быстро отошел от удивления и, согласившись на чай, принялся крутить по сторонам головой.

– Адрес? – расслышав наконец вопрос Георгия из кабины, встрепенулся он. – О, прошу прощения. Можно ваш номер коммуникатора?

Скинув маршрут Георгию, Северский тут же почувствовал себя свободнее и, открыв папку, выложил на раскладной столик документы. Понеслась… Многословно рассказывая об объектах, отобранных им для просмотра, Игорь Сергеевич тем не менее ни жестом, ни словом не показал снисходительности или какого-то пренебрежения по отношению к столь юному клиенту. Но и фальши я в нем не почуял. Профи. Есть заказ, есть клиент, а сколько ему лет – вопрос десятый. Уважаю.

Постепенно мы перешли с темы предстоящего просмотра на так зацепившую его спасплатформу. Вопросы посыпались из агента, как из рога изобилия. Весьма толковые вопросы, выдающие знакомство моего визави не только с технической стороной дела, но и конкретно с платформами подобного типа.

– Ну, тут нет ничего удивительного, Кирилл Николаевич, – улыбнулся он, услышав мой вопрос. – До открытия агентства недвижимости я десять лет проработал в геологоразведке. И навидался подобных машин изрядно… Но чтобы из обычного спасмодуля кто-то догадался сотворить дом на колесах, ни разу не слышал, честное слово.

– Ясно. А как же вас угораздило так радикально сменить вид деятельности, Игорь Сергеевич? – поинтересовался я и тут же спохватился: – Если не секрет, конечно…

– Да какой уж тут секрет? – пожал плечами мой собеседник. – Все просто. Здоровье, Кирилл Николаевич. Ночевки под открытым небом и многочасовые, а тем паче многодневные, пешие переходы мне врачи запретили. Вот и пришлось переквалифицироваться. Да и то как посмотреть… Я ведь специализируюсь не на домах и квартирах, а именно на земельных участках. Ко мне частенько обращаются не только за подбором удобного места для дома, но и заказывают геологические исследования. Знаете ведь, любой дом начинается с фундамента. А выбор его типа, глубины закладки напрямую зависит от места. Какие почвы, как глубоко залегают грунтовые воды и прочее… Вот я и провожу соответствующие исследования, готовлю рекомендации, а подчас и участвую в проведении строительных работ… Но последнее бывает довольно редко.

– Это интересно… – задумчиво протянул я. Кажется, мне повезло, но… надо кое-что проверить. – Как вы понимаете, мне такие рекомендации тоже понадобятся. Участок-то мне нужен именно для того, чтобы на нем поставить дом. Будущее родовое гнездо, если можно так выразиться, а значит, он должен простоять века.

– Да, родовое гнездо – это дело серьезное. Как говорят некоторые наши европейские соседи, «мой дом – моя крепость». А без серьезных геоисследований браться за возведение

крепости никак нельзя… иначе ни о какой безопасности и речи быть не может. Я буду рад помочь вам в этом начинании, – улыбнулся Игорь Сергеевич, явно поняв, к чему я клоню.

В яблочко! Удачное знакомство, определенно. Нет, понятное дело, я еще посоветуюсь с Бестужевыми, и, думаю, Аристарх не откажет в любезности, «пробьет» моего нового знакомца. На всякий случай…

Тем временем мы выбрались за город и спустя полчаса прибыли на место. Первый объект. Земельный участок оказался ничем не примечательным местечком. Ровное, почти квадратное поле, с двух сторон обрамленное перелеском, вдоль третьей проходит грунтовка, ведущая к поселку, а с четвертой участок ограничен широким, но мелким ручьем, за которым раскинулся огромный луг. Ничего особенно интересного… Следующие два объекта тоже оставили нас равнодушными, а последний и вовсе произвел откровенно неприятное впечатление, поскольку неподалеку от него обнаружился маленький, но сильно дымящий заводик. Даже наш агент недоуменно покачал головой.

– А в прошлом году его здесь не было. Странно… – вздохнул он и, повернувшись ко мне, развел руками. Выглядел при этом Игорь Сергеевич откровенно обескураженным. – Извините, Кирилл Николаевич. Для меня это тоже большой сюрприз. Обещаю, что при подборе других вариантов я тщательно прослежу за тем, чтобы подобных казусов не возникло. Но сейчас… знаете, на сегодняшний день это все, что я успел найти по вашему запросу.

– Ничего страшного, Игорь Сергеевич, – отмахнулся я. – Мы же и не рассчитывали, что удастся вот так с ходу подобрать что-то подходящее.

– Да-да… понимаю, но тем не менее, – покачал головой агент. – Для меня это вопрос престижа, если хотите. Мои клиенты всегда получают то, что ищут. И сегодняшняя ситуация…

– Игорь Сергеевич, давайте договоримся так… – подождав, пока агент устроится в кресле в салоне спасплатформы, предложил я. – Мы оставим вам расширенный список желаемого и не станем ограничивать во времени. В пределах разумного, естественно. Работайте, ищите. Может быть, даже это будет объект, который хозяева не хотят продавать, не отбрасывайте его, если он подходит по параметрам. Мы не торопимся, да, Инга?

– Можем ждать хоть год, – с комичной серьезностью кивнула та. – Валентин Эдуардович так и сказал…

– Мм, Валентин Эдуардович? – приподнял бровь агент. – Не о боярине ли Бестужеве вы говорите?

– О? Вы его знаете? – удивился я.

– Кирилл Николаевич, да кто же его здесь не знает?! Да и имя-отчество довольно редкие, согласитесь. По крайней мере, ни одного другого Валентина Эдуардовича в Костромском воеводстве нет, это точно, – всплеснул руками наш собеседник. – Так вы остановились в его имении?

– Именно так.

– Ха, если бы Кирилл остановился где-то еще, Ольга бы ему такой бэмс устроила! – хихикнула Инга. Ну, чертенок!

– Кажется, мне повезло больше, чем я смел рассчитывать! – весело улыбнулся агент. – Так вот вы какой!

– Простите?.. – не понял я.

– Ох, это я прошу прощения, – вдруг спохватился Игорь Сергеевич. – Видите ли, Кирилл Николаевич, уже месяц наше воеводство просто разрывают слухи о помолвке Ольги Валентиновны. Утверждали даже, что жених прибыл вместе с нею, но никто его не видел… а боярских детей спрашивать… сами понимаете. Я ведь не ошибаюсь, правильно? Вы и есть тот загадочный молодой человек, что покорил сердце первой красавицы нашего города?

– Это еще кто кого покорил… – вздохнул я, мимоходом погрозив кулаком довольной Инге.

– Что ж, тогда… позвольте мне стать первым костромичом, который поздравит вас с помолвкой, – улыбнулся агент, протягивая мне руку. – Честное слово, вот не думал, что обойду наших кумушек на повороте…

– Игорь Сергеевич, я очень надеюсь, что эта информация…

– Понимаю, понимаю. Сам не люблю сплетен и пересудов, – покивал он в ответ. – Обещаю, что никому ничего не скажу. Это и в моих интересах. В противном случае меня самого замучают расспросами. Наши кумушки – они такие… Кстати, надеюсь, вы будете на весеннем пиру в доме воеводы? Да? Тогда примите добрый совет: берегитесь его супруги. В умении вытрясать информацию она даст форы и Преображенскому приказу!

Весенний пир. Да, приглашение на него пришло в имение Бестужевых еще две недели назад. И у меня еще тогда возникли определенные подозрения. Вот как увидел открытое приглашение на два лица, адресованное Ольге, так и заерзал. Намек был уж очень толстым. Ведь по факту о моем присутствии в Костроме никто не знал. А значит, достаточно было одного приглашения для всей семьи Бестужевых. Тем не менее Ольге пришло отдельное письмо. Нет-нет, никакого нарушения этикета… помолвка объявлена, и чисто формально городской воевода был прав, присылая отдельное приглашение для Ольги и ее жениха. Но только формально… Мда, вот где надо набирать настоящих разведчиков. Намекнуть, что ли, Валентину Эдуардовичу?

Пока мы с Роговыми и Северским разъезжали по предместьям Костромы, ученицы успели укатить за покупками, ну а учитывая, сколько времени они тратят на магазины… В общем, у меня появилось свободное время, чтобы решить еще пару вопросов, до которых все никак не доходили руки.

Так что, пообедав в компании Аристарха, Георгия с Ингой и боярских детей Бестужевых, я заглянул в нашу с Олей спальню, где отыскал пакет со своими документами и, нацепив сбрую с рюгерами, отправился в гараж. Отыскав среди бестужевской техники «Лисенка», вжикнул молнией куртки, захлопнул забрало шлема и, поддав огня, открыл окно во двор собственного московского дома. Ох ты!

Тяжело… Выкатившись на утоптанную площадку перед домом, я еле удержал моментально ставший неподъемным мотоцикл и, тяжело вздохнув, мотнул головой. Рановато, похоже, мне такие коленца откалывать. Черт! Как будто бетонную плиту на своем горбу тащил, а не на мотоцикле пару метров проехал. Хм… а с ЛТК такой проблемы не было. Все-таки провести человека в броне через окно куда проще, чем мертвое «железо» без оного.

Кое-как отдышавшись, я сполз с седла и, поняв, что в таком состоянии далеко не уеду, решил дать себе с полчаса отдыха. Благо с некоторых пор за домом приглядывает один из подчиненных Аристарха, так что проблем с наличием еды и чая не предвидится. Ну, как приглядывает? Появляется здесь раз в два-три дня, смотрит, все ли в порядке и есть ли в холодильнике еда, а в шкафу сигареты, докупает необходимое и уезжает…

Правда, глянул на часы браслета-коммуникатора, и аппетит пришлось урезать и обойтись вместо чая с плюшками полулитровой кружкой кофе под долгую, первую за день сигарету.

Полчаса истекли, и, поднявшись на ноги и убедившись, что тело не собирается валиться в обморок от усталости, я нахлобучил на голову шлем и двинулся на выход. Фыркнув, заурчал двигатель «Лисенка», ворота распахнулись, и я выкатился на просеку. Одним уже привычным усилием воли закрыв створки, поддал огня – и мотоцикл, взревев, понесся по дорожке, плюясь талым снегом и весенней грязью из-под колес.

Первой остановкой в моей сегодняшней поездке значился городской совет образования. В принципе о сдаче экстерном экзаменов старшей школы я уже с ними договорился по коммуникатору. Дело осталось за малым – вручить им мои документы и получить информацию по датам экзаменов. Ну и сдать их, само собой. А вот тут мне должны помочь уроки деда. Должна же быть хоть какая-то польза от этого старого… кхм. Да, я зол на него. Точнее, на себя самого.

Обещал же в ноги поклониться? Во-от. А выполнять это обещание мне очень не хочется… но деваться некуда. Слово надо держать.

Тряхнув головой, отделался от неприятных мыслей и, сбавив ход, свернул в нужный переулок. Вот, собственно, я и на месте.

Пришлось побегать по этажам этой обители чиновников от образования, но в результате не прошло и часа, как на руках у меня оказались все необходимые бумаги, включая направление в аттестационную комиссию, список подлежащих сдаче экзаменов… восемнадцать позиций! И расписание.

Можно бы и домой отправляться, но есть у меня здесь еще одно дело. А значит… Короткий звонок на знакомый номер – и я вновь в седле «Лисенка» мчусь по улицам Москвы. Вот мотоцикл вылетел на оживленное Садовое… хм, и не скажешь, что полтора месяца назад улицу утюжила тяжелая техника, а в городе почти повсеместно слышались стрельба и взрывы. Москва быстро залечила раны, оставленные мятежом. Сейчас о нем напоминают разве что два позорных столба на Красной площади с поименным перечислением родов, запятнавших себя предательством… Восемьсот шестьдесят девять фамилий, из которых лишь сто с небольшим служилые. Остальные же… М-да. Не удивлюсь, если вскоре самые хитровымудренные из владетельных бояр начнут отдавать своих детей в службу. Уже сейчас отношение к владетельным в обществе далеко от прежнего. Смотрят на них с откровенной прохладцей. И без влияния государя и наследника тут точно не обошлось. Теряют позиции старые самодостаточные роды, а вот служилые – наоборот, только набирают очки.

И то сказать. В стране чуть больше полутора тысяч владетельных, и половина из них замазалась в мятеже по уши. А служилых-то десятки тысяч, и из них лишь чуть больше ста семей примкнули к инсургентам. Меньше одной сотой! Нет, понятное дело, если считать по головам, то служилых, подавшихся к инсургентам, будет куда больше, но в том-то и соль… Если наследник служилого боярина примкнул к мятежникам, это же не весь род, правильно? И судить его будут именно как отдельную «несознательную личность». То есть при этом ни родители, ни дети его, ни иная какая родня под удар не попадают. Если, конечно, тоже не участвовали в мятеже.

А вот с владетельными боярами все иначе. Они ведь присягали государю не только за себя, как служилые, но и за весь свой род. И после мятежа им это припомнили. Казнили целыми фамилиями… Нет, на тот свет отправили только прямых участников, но и их родня легко не отделалась, бояричи и боярышни лишались наград и собственности только так! О боярском звании и речи нет, гербовые щиты в думных палатах Кремля переворачивались один за другим, так что впору еще одну стену «пустью» обозвать, только не княжьей, а боярской[1]. И пусть скажут спасибо, что их в ссылку не отправили, как того же Женьку Разумовского, например. А ведь за меньшее, куда меньшее титула лишился… ну, если судить объективно, естественно. С моей-то точки зрения… вообще бы убил тварюгу! Ведь если бы не он, глядишь, и повернулось бы тогда все иначе. И кто знает, может быть, моя чуйка и Вердта спасла бы… Невелик шанс, конечно. Но кто знает, кто знает?

Скрипнули тормоза, я слез с мотоцикла и, сняв шлем, засунул его в кофр под сиденьем. Огляделся по сторонам и, убедившись, что прибыл по адресу, шагнул в распахнутые ворота. Огромные витые чугунные створки остались за спиной, а передо мной открылось унылое зрелище ровных рядов серых обелисков, подножия которых лишь кое-где были подернуты робкой, почти невидимой апрельской зеленью.

---

[1] **«Княжья пусть»**, или «княжья пустошь». Стены зала заседаний думных палат Кремля украшены гербовыми щитами всех владетельных родов страны. Но после княжеского мятежа гербы инсургентов были сняты и расколоты, все до единого. Так в зале появилась пустая стена, прозванная «княжьей пустью». По мнению государя Василия Шестого, подавившего княжеский мятеж, она должна была напоминать Думе о судьбе изменников. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Говорят, первые могилы появились на этом кладбище еще во времена войны с Наполеоном. Правда, тогда здесь хоронили кирасир Московского гвардейского. Шло время, сменялись правители, гремели войны, менялось название полка. Там дальше, за вычурными обелисками тяжелых кирасир времен Крымской войны, перемолотых французской артиллерией, под серыми невзрачными плитами лежат гвардейцы Первого моторизованного стрелометного полка, защищавшие Ревель в четырнадцатом и бравшие Киль в шестнадцатом. А еще дальше ровные шеренги строгих надгробий гвардейцев Московского бронеходного… это уже память о сороковых. Княжеский мятеж и Вторая мировая… А вот и то, что я искал. Восемьдесят шесть черных прямоугольников и аккуратный ряд венков за ними. На каждом надгробии изображение стяга полка с трубами, мечами и копьями. И на каждом одна и та же эпитафия: «В чести и славе!»

Восемьдесят шесть имен и фамилий. И среди них нашлось место гвардии Московского бронеходного полка капитану Вердту Вячеславу Еремеевичу. Да, капитан… посмертно. И кавалер Ордена архистратига Михаила… тоже посмертно.

Не знаю, сколько я простоял у камня с фотографией, на которой Вячеслав, кажется, вот-вот должен был улыбнуться. Весело и бесшабашно, заразительно так, как умел только он. Но отвлекло меня ощущение чужого внимания и послышавшийся хруст гравия под чьими-то ногами.

– Кирилл? – Я выпрямился, поправив завернувшийся край венка, присланного мною при первой же возможности, и обернулся на голос.

– Здравствуйте, Осип Михайлович, – кивнув, пожал я сутулящемуся начальнику полкового госпиталя руку.

Тот слабо улыбнулся.

– Рад видеть в добром здравии, Кирилл. – Нулин окинул меня долгим взглядом. – Ты здесь впервые?

– Да, вот появилась возможность, выбрался.

– Понятно, – произнес доктор и замолчал. Кажется, он чувствовал себя здесь очень неуютно…

– Я бы хотел поговорить с вами об одном деле, если не возражаете, Осип Михайлович, – прервал я неловкое молчание, и Нулин с готовностью кивнул.

– Тогда, может, лучше у меня в кабинете? – спросил он.

Я пожал плечами. Действительно, разговаривать о делах лучше в тепле и… там, где Нулин не будет так сильно фонить эмоциями.

– Не каждый врач имеет возможность взглянуть на собственное кладбище, – тихо проговорил доктор, когда мы уже подходили к воротам кладбищенской ограды. Да, я полный идиот. Нашел место для встречи, называется! А ведь все эти восемьдесят шесть человек прошли через его госпиталь.

– Извините, Осип Михайлович. Я не подумал…

– Что ты… что ты, Кирилл! – мотнув головой, проговорил он. – Я ведь мог тебя и в расположении дождаться. Какая вина, о чем ты говоришь! Все в порядке… Просто… А! Идем, я тебя чаем напою. Знаешь, какой Галочка чай готовит, у-у! С травками, самое то по такой промозглой погоде. Ей бабка присылает… Галина, правда, утверждает, что от свежих толку больше, но разве же свежие травы с Алтая к нам довезешь? Если только частным заказным рейсом. А мы не Крезы… Да, ну так я тебе скажу, что они и засушенные очень даже ничего. А уж духмяные… не чай получается, натуральный эликсир. Идем-идем.

Пока доктор по мере удаления от кладбища все больше оживал и тараторил, я тоже немного очнулся и перестал укорять себя за глупый поступок. Пятница же, Нулин наверняка был на рабочем месте. Мог бы и позвонить ему, уже выйдя с кладбища. Так ведь нет, решил предупредить заранее. Эх, ладно!

Чай действительно оказался выше всяких похвал. И сбор этот… я принюхался и довольно крякнул. Явно успокоительный. Ай да Галина, ай да травник-конспиратор… Я осторожно коснулся внимания девушки, принесшей в кабинет начальника госпиталя поднос с «заедками», и, улыбнувшись, благодарно кивнул, одновременно ткнув пальцем в чашку с чаем и погладив себя по груди в районе сердца. Поняла, нет? Поняла… Зарделась, смущенно улыбнулась и сбежала. А вот протиравший очки Нулин ничего не заметил и соответственно не понял. Ну и ладно.

– Итак, Кирилл. О чем ты хотел со мной поговорить? – осведомился нервный начальник полкового госпиталя, едва медсестра исчезла за дверью.

– Понимаете, какое дело, Осип Михайлович… мне нужна ваша помощь, – медленно заговорил я.

– Хм… и в чем же, Кирилл? – недоуменно протянул он.

– Посоветуйте, пожалуйста, хорошего полевого целителя…

Глава 2
Главное, правильный подход

Просьба юноши была несколько неожиданной. Да что там! Она просто выбивалась из всех возможных предположений и вариантов, перебранных Нулиным с момента звонка Кирилла, оторвавшего доктора от составления очередного черт знает кому понадобившегося отчета.

– Хм, Кирилл… а можно поподробнее? – осведомился успокоившийся врач, разглядывая своего собеседника через линзы очков.

– Можно, – невозмутимо кивнул тот. – К сожалению, несмотря на мой высокий статус эфирника, я почти ничего не смыслю в целительских техниках. И это упущение мне очень не по душе.

– Однако… – Нулин задумчиво покачал головой и вздохнул. Ох, уж эта молодежь. Все им кажется простым и понятным. Можно подумать, целительству так просто научиться…

– Подождите, Осип Михайлович. Я понимаю, что именно вы хотите мне сейчас сказать. Я ничуть не собираюсь спорить по поводу учебы вообще и учебы на врача в частности. Но тут вот какая закавыка. Мне не требуются навыки полноценного целителя. Только первая помощь в полевых условиях. В том числе с использованием подручных средств.

– Зачем тебе это? – недоуменно спросил Нулин.

– Не только мне. Вы же в курсе, что я обучаю несколько человек работе с Эфиром?

– О да! О николаевском гареме по столице уже слухи ходят… – усмехнулся доктор и, увидев обескураженное выражение лица собеседника, не выдержав, рассмеялся.

– Ну, Елена Павловна… ну! – Кирилл осекся, прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Успокоился и, вновь открыв глаза, чуть натянуто улыбнулся. – Даже внучку родную не пожалела. Воистину Великая Мегера!

– Думаешь, она? – поинтересовался Нулин и, получив в ответ уверенный кивок, развел руками: – Ну, спорить не буду. Эта может. Ладно, возвращаясь к нашим баранам. Ты уверен, что девушкам действительно нужен этот курс?

– Абсолютно, – решительно кивнул Кирилл, моментально стерев с лица улыбку. – Мы подходим к следующему этапу обучения, и я бы очень не хотел, чтобы во время выхода в поле с ними случилось что-то, с чем они не смогли бы справиться.

– Походы в поле, говоришь… Ты что там, школу выживания устраиваешь, что ли? – удивился доктор, но тут же сам себя оборвал: – Извини. Не мое дело, понимаю. Что ж… ты учитель, тебе виднее. Только один вопрос. Почему ты обратился именно ко мне, а не к Громовым, например, или Валентину Эдуардовичу?

– Сильно сомневаюсь, что у них есть знакомые полевые целители… военные целители, – медленно проговорил Кирилл.

– Хорошо. Я тебя понял и… постараюсь помочь. Но, Кирилл, хочу сразу предупредить, услуги подобного… мм… преподавателя будут стоить тебе очень недешево. Если ты, конечно, рассчитываешь на серьезного военного специалиста, а не на лекции по оказанию первой помощи из общего курса безопасности жизнедеятельности, – заметил Нулин.

– Порядок цен? – не моргнув глазом, поинтересовался в ответ Кирилл.

– Восемьсот-тысяча рублей за курс. Не меньше, – чуть помолчав, отозвался Нулин и, не дожидаясь реакции собеседника, уточнил, сбивая, как ему казалось, неминуемое возмущение: – И скажи спасибо, что цены уже вернулись на прежний уровень. С трудом себе представляю, во сколько обошелся бы подобный курс полтора-два месяца назад…

– Думаю, его просто невозможно было бы получить. Вам так не кажется? – ответил Кирилл, и глазом не моргнув, услышав озвученную сумму. Очень немаленькую сумму!

– Скорее всего, – после недолгого размышления согласился врач и вопросительно взглянул на собеседника: – Смотрю, подобная перспектива тебя не смущает, а?

– Я могу себе позволить подобные расходы, – кивнул Кирилл без малейшей рисовки. А Нулин в очередной раз удивился тому, как отличается этот мальчишка от своих сверстников. Закрыть глаза, сделать скидку на голос – и возникает четкое ощущение, что перед тобой человек лет сорока, не меньше. Где гордость за то, какими средствами он может оперировать? Где хоть какой-то мальчишеский гонор? Странный он.

Тут доктор вспомнил, как увидел его стоящим у могилы Вердта, и… глаза. Когда он окликнул застывшего у надгробного камня Кирилла и тот повернулся, в глазах молодого человека Нулин не нашел того непонимания, что встречал у людей, недавно проводивших близких в мир иной. Боль – да… но и она была какой-то… привычной, что ли.

Такой взгляд Нулин часто видел у командира полка, у боевых офицеров и нижних чинов, вернувшихся из очередной негласной командировки… и в отражении зеркала, но, черт подери, откуда мог взяться этот взгляд у пятнадцатилетнего мальчишки?! И не надо говорить о том, что он сам убивал и иначе относится к смерти. К чужой смерти – может быть… но смерть своих друзей и товарищей поначалу даже у не раз убивавших воинов вызывает одну и ту же реакцию. А здесь ее не было… Ни тогда, в госпитале, ни сегодня, на кладбище…

Нулин вздрогнул и, поежившись, глянул в сторону своего собеседника. А тот невозмутимо прихлебывал ароматнейший Галочкин чай и жмурился от удовольствия.

Да ну, бред! Померещилось, должно быть. Осип Михайлович вздохнул. Конечно, померещилось. Не надо было сегодня на кладбище ходить. Каждый раз из колеи выбивает… Да и вообще нужно бы к батюшке наведаться, поговорить, облегчить душу, а то уж как-то совсем придавило. Вон чушь всякая в голову лезть начала. Не к добру. Точно… На исповедь и в отпуск! Прокатиться к морю, на острова. Снять стресс…

Решено. Завтра же рапорт на стол полковнику, Галину в охапку – и, как говорит один знакомый татарин, «алга!».

– Кхм, Кирилл…

Я открыл глаза. Ну, слава богу, кажется, получилось. Пришел в себя наш доктор. И славно. А то уж больно нервным он стал. Даже чаек не спасает. Пришлось пройтись по его эмоциям… тихонечко так, почти незаметно. Я, конечно, не дед, на чувствах, как на рояле, играть не умею, но кое-что и кое-как могу. Главное здесь не переусердствовать. Это Там все было просто, а со здешним Эфиром – чуть передавишь, и нервный срыв обеспечен. И хорошо если у подопытного, а если у меня?! Так что лучше потихоньку и со всей возможной осторожностью. Помогло? Помогло… вот и славненько.

– Да, Осип Михайлович? – отозвался я, взглянув на доктора.

– Я помогу. Свяжусь с друзьями-коллегами. На днях дам ответ, – короткорублеными фразами проговорил Нулин, сняв очки и потирая переносицу. Вновь нацепил окуляры на нос и слабо улыбнулся. – Ну а о месте и времени встречи можно будет договориться по факту, так сказать. Идет?

– Конечно. Спасибо за помощь, Осип Михайлович, – отразил я его улыбку, одновременно поднимаясь с кресла. Ну а что, время-то идет, а я ведь еще хотел с боярином Громовым встретиться… Да, видно, не успею, поздно уже. Ну, так хоть к ужину домой вернусь, в Кострому. Тоже неплохо…

Рисковать и нырять в окно на «Лисенке», находясь на добрых полсотни километров дальше, чем в предыдущий раз, я не собирался. А потому, покинув расположение бронеходчиков, двинулся обратно к своему московскому дому. Можно было бы и дальше по Стромынке прокатиться, но… я совсем не горел желанием проезжать мимо разрушенного боярского городка. Там до сих пор смертью сквозит, да так, что мороз по коже…

А оказавшись в костромском имении Бестужевых, я тут же попал в цепкие лапки учениц и… Инги. Ну да, разумеется, уезжая, я ведь обещал привезти ей сласти из Алексеевского на Воздвиженке. Вот она меня и караулит. И хорошо, что я догадался купить пирожных с запасом…

Вошедшие в тренировочную колею девчонки, оказавшись под пристальным надзором специалистов медицинского крыла имения Бестужева, опять вынуждены были ограничивать себя в питании. Так что контрабандные пирожные изрядно подняли им настроение. Ничего, если все и дальше пойдет так, как я задумал, то вскоре проблема внутренней регуляции перед ними стоять не будет. Думаю, как раз к окончанию курса первой помощи они смогут забыть о страшном слове «диета»… Но вот говорить им об этом я пока не стану. Задолбают просьбами об ускорении учебного плана. А сейчас этого делать ни в коем случае нельзя. Уж слишком момент неподходящий. Девчонки находятся на том этапе обучения, когда любой несвоевременный шаг может отбросить их назад, и наверстывать уже пройденное будет о-очень сложно. Как бы не перегорели… В общем, потихоньку-полегоньку идем вперед. Шаг за шагом, не останавливаясь и не меняя темпа. Глядишь, скоро и придем… к результату, хм.

– Кирилл, а давай после ужина съездим в город? – неожиданно предложила Ольга, удобно устроив голову у меня на коленях, пока я, сидя на диване, ковырялся в списке предстоящих экзаменов, выведенном на экран коммуникатора, не отвлекаясь на вид обнаженных стройных ног невесты. Не отвлекаясь, я сказал!

– Хм? – Я оторвал взгляд от экрана коммуникатора и, не позволив ему скользнуть в сторону, глянул на Ольгу. Черт! Хоть закрывайся от нее! Лежит, улыбается… и пуговка на блузке вроде как нечаянно расстегнута. Ага, третья. – Оля!

– Поедем, а? – И ресничками хлоп-хлоп… Точно, издевается.

Я вздохнул и, свернув экран, смерил вытянувшуюся на диване невесту долгим взглядом.

– Если не прекратишь меня соблазнять, то дальше спальни мы точно не уедем, – констатировал я, по достоинству оценив открывшиеся виды. Ну а что? Блузка полупрозрачная, никакого бюстгальтера не наблюдается. Юбка – мини… задралась немного, но фантазии больше и не надо… Совершенно крышесносное зрелище!

– Ой! Извини-извини… я не хотела, честно-честно… – затараторила Ольга, вскакивая с дивана. Я крякнул. Она даже встать умудрилась так, что в процессе… мм! Зараза! Знает ведь, что мне готовиться надо. И провоцирует!

– Ольга!!! Свяжу и запру в спальне. На два… нет, на три дня, – зарычал я.

– Не выйдет, милый. Тебе же к экзаменам надо готовиться, – проворковала она в ответ с улыбкой.

– Вот-вот. Тебя запру, а сам сяду за учебники, – ощерился я.

Ольга тут же замерла на месте.

– Все-все-все. Я поняла. Ки-ир… ну давай в город съездим, а? А я обещаю тебя не провоцировать… сегодня.

– В кино? – обреченно вздохнул я, и невеста радостно кивнула. Ну да, не в первый раз. Кто же знал, что Ольге так нравятся мелодрамы?! Вот я не знал… и поплатился за это. Четыре раза. А на пятый отказался идти в кино на очередную «слезогонку», и теперь каждый поход предваряется целым спектаклем. Каждый раз новым, между прочим! Но сегодня невеста явно перешла все границы. Нельзя так со мной. Я же не железный, правда!

– Ночной сеанс, последний ряд… р-романтика! – вздохнула Ольга, но, заметив мой взгляд, тут же состроила серьезное лицо. – Мм, не обращай внимания. Это я так, о своем, о девичьем… И вообще заканчивай с работой. Ужин вот-вот начнется.

Время летело. Минул апрель, стремительной чередой промелькнули мои школьные экзамены, и настал май. А с ним пришла и суета подготовки к празднику, по сравнению с которой сборы на прошедший не так давно весенний пир казались ленивыми и небрежными.

Ольга окинула меня долгим изучающим взглядом и удрученно цокнула языком. Я невольно покосился на свое отражение в зеркале и пожал плечами. И что ей еще не нравится? Черный китель с воротником-стойкой застегнут на все пуговицы, бриджи в тон, сапоги надраены до зеркального блеска. Ну чего ей еще-то нужно?

– Милый, скажи мне, куда ты дел знак мастерства? – прищурившись, пропела она.

– Э-э… – Я на миг замялся. Чертова удавка, хуже любого галстука, честное слово! – Оленька, я и без него выгляжу последним идиотом! Давай обойдемся без этой цацки, а?

Бестужева прикрыла глаза и, глубоко и размеренно задышав, медленно зашевелила губами. Считает, что ли?

– Кир, надо. Понимаешь? На-до! – проговорила она, справившись с собой. – В конце концов, мы не на домашний пир идем!

– Долбаный этикет, – пробормотал я, выуживая из кармана короткую черную ленту с небольшой серебряной четырехконечной звездой. Покрутив ее в руках, вздохнул и посмотрел на невесту. – Поможешь нацепить мне этот «компас»?

– Иди сюда, горе мое, – вздохнула Ольга.

Черная лента легла на белоснежный накрахмаленный воротник, туго прижав его к шее, так что мне тут же захотелось ее ослабить. Вотще! Получив по рукам за первую же попытку, я вздохнул и печально взглянул на Ольгу, а та, не обращая никакого внимания на мой умоляющий взгляд, деловито поправила знак мастера Эфира, разместившийся над верхней пуговицей моего кителя, отошла на пару шагов и, вновь окинув меня придирчивым взглядом, удовлетворенно кивнула.

– Вот теперь все. Можем отправляться, – произнесла Оля и, улыбнувшись, подхватила меня под руку. – Ну не расстраивайся ты так, Кир! Можно подумать, что ты не на праздник идешь, а на казнь.

– Я выгляжу полным идиотом, – вздохнул я в ответ, открывая окно в московское имение Бестужевых.

– Ты выглядишь замечательно! – возразила Ольга, делая шаг в марево портала.

– Но бриджи, Оля! И сапоги! – Еще немного, и я взвою, честное слово!

– Праздник будет проходить на открытом воздухе, а это означает охотничий выезд, что подразумевает соответствующий стиль в одежде. Так что ты не единственный будешь щеголять в таком виде. Смирись, – объяснила она и усмехнулась. – И вообще, милый, у меня создается впечатление, что кто-то перепутал роли.

– В смысле? – не понял я.

– По-моему, расточать комплименты должен кавалер, а напрашиваться на них – обязанность дамы. Но никак не наоборот. Не находишь? – с улыбкой произнесла Оля, одновременно взмахом свободной руки приветствуя встречающих нас в большом зале московского имения Бестужевых отца и его пассию. Я тихо крякнул. Ну язва! Ладно, сегодня ее день, пусть радуется.

– Понял, был дурак, исправлюсь! – протараторил я.

– Умница, но я, пожалуй, подожду, пока ты потренируешься на моей будущей мачехе, – тихо проговорила Ольга. – А вот потом… потом я жду самых лучших и качественных комплиментов в свой адрес.

– Солнышко, о чем ты говоришь? Любой комплимент будет лишь бледным отражением твоих реальных достоинств, – улыбнулся я, окинув взглядом затянутую в темно-зеленый охотничий костюм фигурку невесты. Такой консервативный и… провокационный. А всего-то и нужно было заменить юбку-брюки на плотно облегающие стройные ноги лосины, а классический твидовый сюртук сменить на незастегивающуюся куртку, стилизованную под гусарский

доломан, но короткую настолько, что из-под ее куцей полы виден охвативший тонкую талию черный кушак, контрастирующий с белой сорочкой, поверх кружевного воротника которой лежит неширокая черная же лента с серебряной восьмиконечной звездой, говорящей о статусе воя носительницы. И вроде бы никакие правила этикета и морали не нарушены, но эффект!

– О, совсем неплохо. – Ольга еле заметно кивнула, изображая буквально ледяную неприступность, но, не удержавшись, почти тут же закусила губу, чтобы не расплыться в улыбке. Зря я, что ли, делюсь с ней своим восхищением и… желанием? Ну, последнее это так, в качестве ответной подколки. К тому же пошалить вдоволь, распаляя суженую, мне не удалось. Подошли Бестужев с будущей супругой, и вид у них был весьма далек от домашнего, по крайней мере у Валентина Эдуардовича. Боярин был погружен в размышления и явно не настроен острить и развлекаться. Пришлось и мне подтянуться и переключиться на рабочий режим.

Что ж, подурачились – и будет. Оля уже в порядке и больше вроде бы не нервничает, а значит, пора отставить шуточки в сторону и… впрягаться в работу. А ее сегодня будет немало.

Бестужев вернулся в боярский городок почти неделю назад по просьбе государя и… чтобы помочь Раисе проследить за восстановлением поместья. К тому же за время его отсутствия у нас накопилось несколько вопросов, требующих решения. Но если бы только в них было дело!

Помимо обсуждения совместных планов с Валентином Эдуардовичем, сегодня нас ждет визит на торжество по поводу Дня тезоименитства младшего сына государя, где Ольге предстоит продемонстрировать итог их с Жориком месячных трудов над несчастным «Визелем». Именно поэтому она и была на взводе с самого утра, фоня раздражением и волнуясь по делу и без.

И Оля была права, настаивая на модернизации ЛТК. В этом меня убедило недавнее происшествие. Три дня назад «Визель» был передан рындам, чтобы их специалисты могли удостовериться в безопасности машины. Но даже с учетом всех «конверсионных» работ, проведенных над тактическим комплексом, эти перестраховщики чуть не запретили показ ЛТК августейшей фамилии. И если бы не помощь Вербицкого, ныне возглавляющего Преображенский приказ, боюсь, шоу могло не состояться вовсе. Нет, узнав о сопротивлении царской охраны, Анатолий Семенович не стал даже пытаться давить авторитетом на Рындов двор, равно как и не ручался перед ними головой за безопасность показа. Он просто обронил пару слов в беседе с цесаревичем, при которой присутствовал и Юрий, младший сын государя, а дальнейшее… В общем, рындам пришлось отступить.

Как бы то ни было, рассказывать об этом эпизоде Ольге я не стану, а то опять начнет нервничать. Оно мне надо? И так добрых полтора часа убил на то, чтобы привести ее в адекватное состояние.

Бестужев-старший не стал тянуть с официозом, так не свойственным ему в домашней обстановке.

– Полагаю, ты решил отправляться на праздник из нашего имения, а не из своего дома, не только для того чтобы удовлетворить каприз своей соскучившейся по отцу невесты, а? – усмехнулся Валентин Эдуардович, поглядывая в сторону Раисы и Ольги, уже щебечущих о чем-то своем, женском и неимоверно важном, но нам, мужчинам, напрочь непонятном.

– Скажем так, я решил совместить приятное с приятным и добавить в этот коктейль чуть-чуть полезного.

– Вот как? – Бестужев приподнял бровь, демонстрируя «вежливое удивление и отстраненный интерес». Дьявольщина, эти формулировки из лекций Агнессы у меня скоро из ушей полезут! Спасибо суженой, в преддверии сегодняшнего торжества настоявшей на необходимости обновить мои знания этикета.

– Тренировки были очень интенсивными, так что я дал своим ученикам три дня отдыха. Лина с Милой отправились в Беседы, Леонид под присмотром Елизаветы показывает досто-

примечательности Костромы Марии Вербицкой, ну а Оля изъявила желание провести неурочные выходные рядом с отцом, – пояснил я в ответ на немой вопрос Бестужева.

– Приятное с приятным, говоришь?

– И чуть-чуть полезного, – кивнул я.

– Излагай, – коротко отреагировал Бестужев.

– Во-первых, весь май ученикам придется либо провести в моем московском доме, либо я вынужден буду доставлять их туда ежедневно, о чем заранее и предупреждаю.

– И с чем это связано? – нахмурился мой собеседник, явно прикидывающий в мыслях, сколько мороки доставит такое изменение расписания его детей охраняющей их дружине.

– С обучением, конечно. Мне удалось найти хорошего специалиста, который готов натаскать нашу компанию в оказании первой помощи в полевых условиях, но он наотрез отказывается мотаться между Москвой и Костромой, даже за двойной гонорар, – ответил я. – Так что вместо него бегать туда-сюда придется мне.

– Считаешь это необходимым? – недоуменно спросил Бестужев.

– Безусловно. Собственно, это уже во-вторых: с наступлением лета я планирую устроить ученикам выезд на природу… месяца на два. И мне не хотелось бы, чтобы кто-то из них загнулся от потери крови, напоровшись на сук, просто оттого что не знает, как правильно наложить жгут.

– Ого! – изумился мой будущий тесть. – Ничего себе пленэр! И зачем ты решил устроить эту вылазку? Полигона мало?

– Каким бы оборудованным и удобным ни был полигон, он все равно останется имитацией. А ученикам пора нарабатывать живой опыт.

– Хм. Допустим, не буду спорить, тебе виднее, – вздохнул Бестужев. – Но что нужно от меня?

– Место, – пожал я плечами, но, заметив непонимающий взгляд собеседника, пояснил: – Угодья, заказник… в общем, территория, на которой встреча с людьми исключена или хотя бы маловероятна. Можно было бы, конечно, махнуть за Урал-камень и высадить их посреди тайги, но время! Тратить три-четыре дня на дорогу только в одну сторону… меня ученицы съедят от скуки еще до того, как я выпущу их на волю в пампасы!

– Эти могут, – понимающе кивнул Бестужев с едва заметной ухмылкой и, чуть помолчав, задумчиво произнес: – Попробую помочь, Кирилл. Но сам понимаешь, отыскать безлюдные места в центральной части России очень трудно, даже если учесть боярские угодья.

Фух! Замечательно получилось. Даже уговаривать не пришлось, а я ведь больше всего опасался, что Бестужев начнет сопротивляться. Как переезду дочери и сына в Москву, которую после неудавшегося и такого недавнего мятежа Валентин Эдуардович откровенно недолюбливает, так и новостям о двухмесячном забеге его дочери в леса. Ан нет. Не стал служилый боярин бучу поднимать. И это замечательно!

– Так, дети! – окликнул нас Бестужев, бросив взгляд на браслет-коммуникатор. – Машина у подъезда, можете отправляться.

– А не рано, дорогой? – повернулась к нему Раиса, отвлекаясь от беседы с Олей.

– В самый раз. Пока доберутся до Александровской слободы, пока осмотрятся… – покачав головой, ответил Валентин Эдуардович. – В общем, езжайте, дети… И будьте терпеливы: формальная часть празднества – это еще тот балет.

– Совет окольничего Посольского приказа? – улыбнулся я.

– Именно, – усмехнулся в ответ Бестужев, указывая нам на двери.

Знакомый черный лимузин сыто чмокнул захлопнувшейся дверью и, хрустя гравием, покатился к воротам. Поехали.

Глава 3
Знакомства и знакомцы

Александровская слобода – любимейшая из всех резиденций царской семьи и самая уютная, пожалуй. Здесь нет помпезности московского дворца, тяжелой суровости Рюрикова двора в Новгороде и мраморной роскоши ливадийского имения. Кремль Александровской слободы скромен и светел, хотя помещения дворцового комплекса весьма просторны. Сам дворец пережил не одну перестройку, меняясь век от века согласно вкусам его владельцев и текущей моде. Учитывая же, что ни один из царей не рисковал поднимать руку на любимые покои своих предшественников, к нынешнему времени дворец представляет собой весьма затейливое здание с помещениями, оформленными в стилях самых разных эпох. По нему, пожалуй, можно изучать историю развития архитектуры и декора, начиная со средневековых палат, помнящих еще тяжелую поступь Иоанна Монаха, и заканчивая личными покоями прадеда нынешнего государя, исполненными в столь любимом им стиле ар-деко. Не дворец, а калейдоскоп. Но тем он и интересен. А кроме того, оказавшись здесь, почти сразу понимаешь, что для владельцев это место и есть настоящий дом. Теплый, уютный и родной. Здесь не проводятся большие приемы и деловые встречи, не шастают по коридорам напыщенные сановники и не вручают верительных грамот иностранные послы. Тут просто живет семья… пусть и царская. А работу на дом стараются не носить даже государи, по крайней мере, российские.

Так описывала это место Ольга по дороге в Александровскую слободу, словно задавшаяся целью вбить в мою голову абсолютно все, что ей известно о кремле и его окрестностях. Волнуется невеста, что поделать! Причем я до сих пор не могу понять, что именно доставляет ей такое беспокойство. То ли предстоящее выступление в ЛТК, то ли сам факт нашего приглашения на домашнее торжество царской семьи… Впрочем, «домашним» его можно назвать лишь с большой натяжкой, поскольку, по утверждению Валентина Эдуардовича, на подобные торжества приглашается порой до пары сотен человек гостей.

Узнать, насколько правдиво описание Ольги, мне не удалось. Во-первых, потому что для гостей был открыт лишь первый этаж основного корпуса дворца и соединенный с ним широкой галереей летний павильон со стеклянным куполом, из-за высоченных стрельчатых окон похожий на аквариум. Кроме этого, доступными для посещения оставались так называемые Встречные палаты и часть Опричного дома. В общем, проникнуться домашней атмосферой в этих залах при царившей в них толчее и суете гостей, кучкующихся у заставленных легкими закусками столов, было очень нелегко. А во-вторых, у нас просто недостало времени, чтобы прогуляться по всем доступным помещениям. Не прошло и получаса с нашего приезда, как гости, сопровождаемые дворцовыми слугами, потянулись на улицу, причем разными маршрутами. Мы с Ольгой оказались в веселой компании из двух десятков молодых парней и девушек, следующих к Малому крыльцу вслед за наряженным в старомодный костюм егерем, а оттуда его собрат повел нас к конюшням. Вот теперь я понял, зачем Ольга заставила меня надеть сапоги. Конная прогулка!

Оставалось удивляться лишь тому, куда делись остальные гости, не попавшие в нашу компанию. Впрочем, недоумевал я очень недолго. Стоило нам оказаться в седлах, как рядом появилась целая пятерка все таких же «музейных» егерей, и нашу разношерстую кавалькаду потянули к выезду из кремля, за воротами которого уже слышались шум, гомон и ржание лошадей. Очевидно, среди приглашенных были предусмотрительные люди, приехавшие на празднество со своим четырехногим «транспортом». Удивительно? Вот уж сомневаюсь. Это же бояре, они постоянно чем-то друг с другом меряются. Силой, богатством или, как в данном случае, лошадьми.

Я не ахти какой кавалерист, да и Кирилла не особо-то учили подобному, но удержаться в седле могу… и не хочу ударить в грязь лицом при Ольге. Вот уж кто настоящий наездник! Глядя на восторженную, чрезвычайно довольную девушку, гарцующую на серой в яблоках кобылке, я не мог сдержать улыбки. Если бы еще не масленые взгляды некоторых гостей мужеска пола. Хотя-а… какой пир без драки, верно?

Очевидно, что-то такое проскользнуло в моих эмоциях, потому что спустя минуту Ольга явно заволновалась и закрутила головой.

– Кирилл, – дав шенкеля лошади и во мгновение ока оказавшись рядом со мной, заговорила моя невеста. Точно заметила. Эх…

– Да?

– Не надо на них так смотреть, пожалуйста. Нам только дуэлей здесь не хватает, – попросила она и, схватив повод моего конька, оттащила обратно к компании «безлошадных», подальше от основной массы гостей.

– Солнышко, если эти господа глупы настолько, чтобы раздевать тебя взглядами в присутствии сопровождаемых ими дам, то я буду рад оказать услугу этому миру, немного сократив количество населяющих его идиотов, – улыбнулся я в ответ, под смешки окружающих нас «безлошадников».

– Какой знакомый стиль. Вы, случайно, не брали уроки сарказма у моей тетушки? – отсмеявшись, спросил один из них.

Я взглянул на собеседника. Невысокий, худощавый, на вид немногим старше Ольги, молодой человек в расшитом золотой нитью темно-синем костюме для верховой езды, стилизованном под литовскую моду века семнадцатого… и его черты лица мне точно знакомы. Ха, да здесь даже раздумывать нечего, к тому же он сам дал подсказку.

– Полагаю, речь идет о Елене Павловне Посадской? – Я решил уточнить, чтобы не попасть впросак.

– Именно, – кивнул он и спохватился: – Прошу прощения, я не представился. Лошинский Иван Алексеевич, из детей боярских.

– Кирилл Николаев, из опричных, – ответил я с коротким поклоном и, взяв невесту за руку, представил новому знакомому: – Ольга Валентиновна Бестужева, моя невеста.

– О! Рад, очень рад знакомству. Теперь я абсолютно точно уверен, что был прав. Тетушка о вас рассказывала, – искренне обрадовался Лошинский. – Кстати, может, поведаете, как там поживает моя сестрица?

– Она делает успехи. Заметные, – обтекаемо ответил я, не желая распространяться о делах учебных в окружении незнакомых людей. К счастью, не я один был против такого любопытства.

– Не гони коней, Ваня! – окликнула его одна из девушек. – Сначала нас представь, а потом уже будешь выспрашивать о своей любимой сестричке.

– Прошу прощения. – Парень даже немного покраснел, но тут же улыбнулся и принялся исправлять оплошность. Чрезвычайно позитивный тип, за пять минут на ходу он успел познакомить нас со всеми «безлошадными», оказавшимися его приятелями, приятельницами и дальними родственниками. Вообще, как объяснил сам Иван, их компания сплошь состоит из молодых людей, недолюбливающих официальные сборища. И у меня создалось впечатление, что они с удовольствием пропустили бы и сегодняшнее торжество, если бы оно не было организовано царской семьей, что и подтвердил наш новый знакомый.

– О, выходим к лагерю! Кирилл, встретимся у южного поста, все наши будут там. А вы мне еще должны рассказ о сестре, помните? – закончив с объяснениями, встрепенулся Лошинский, понукая своего коня перейти в галоп, чтобы не отстать от кавалькады, свернувшей в поле и тут же ощутимо прибавившей ходу.

Отвлекшись от разглядывания наездников, красующихся богатством одежд и упряжи, я глянул в ту сторону, куда потянулась вся эта «кавалерия», и вздохнул. На холме возвышался целый городок из белых и алых шатров в лучших традициях средневековья. Только баньер над ними не хватает. Впрочем, а чего еще можно было ожидать от устроителей этого сборища? В конце концов, насколько мне известно, имениннику всего одиннадцать лет.

От размышлений меня отвлекла Ольга, сопровождаемая егерем, седоусым дядькой средних лет в зеленом мундире и лихо заломленной кубанке.

– Кирилл, нас ждут у восточного поста, там уже развернут стенд для ТК.

– А успеем проверить игрушку до начала действа? – нахмурился я.

– У вас есть около часа, – тут же встрял егерь, и я выжидающе взглянул на Ольгу.

– Успеем. Прогнать основные тесты больше десяти минут не займет, – кивнула она.

– Добро. Тогда поступим следующим образом. Я сообщу Ивану, что мы немного задержимся, и нагоню тебя у стенда. Согласна?

– Конечно.

Оля улыбнулась и, махнув рукой егерю, пустила лошадь в карьер. Ну а я отправился вслед за Лошинским.

– Ну и кого ты нам на этот раз привел, Ванечка? – поинтересовалась у внучатого племянника Великой Мегеры невысокая, хрупкая на вид девушка, с самым задумчивым видом поправляя белопенное кружево манжет и старательно не глядя на собеседника, дабы прыгающие в ее глазах бесенята не смазали образ скромницы.

– Я не приводил! Это случайность, ты же сама все видела, Капа! – с жаром воскликнул тот, по привычке уходя в защиту под дружный смех собравшихся в шатре «безлошадников».

– Верю-верю, – покивала девушка. – И все же расскажи нам о нашем новом знакомом и его невесте, пока они не вернулись.

– А волшебное слово? – на миг склонив голову к плечу, спросил Лошинский.

– О? – Изящно очерченные дуги бровей девушки поднялись в недоумении, она чуть помедлила, словно размышляя, и, ласково улыбнувшись приятелю, лязгнула сталью в голосе: – Докладывай!

– Есть, мой генерал, – делано печально вздохнул Иван.

– Как-как? – изобразила гнев его приятельница, поднимаясь с удобного кресла.

– Прошу прощения, фельдмаршал… конечно, фельдмаршал, будет исполнено, фельдмаршал! – зачастил Лошинский под неумолкающий смех присутствующих.

– Ладно, повеселились, и будет, – махнула рукой Капа и улыбнулась приятелю. – В самом деле, Вань, рассказывай уже, что ты знаешь об этой парочке. И при чем здесь твоя сестра? Почему ты спрашивал о ней не у тетушки, а у этого мальчика?

– Стоп-стоп-стоп, не так быстро, Капа! – замахал руками Лошинский. – Все скажу, все объясню. Но по порядку. Итак… Кирилл Николаевич Николаев, пятнадцать лет исполнилось в августе прошлого года, тогда же был эмансипирован и выведен из рода Громовых в мещане, в марте нынешнего года принят цесаревичем в опричные, признанный мастер Эфира, ведет пятерых личных учеников, одним из которых является моя двоюродная сестра Елизавета. Жених уже знакомой вам Ольги, дочери боярина Бестужева, окольничего Посольского приказа, будущий регент рода Вербицких-Скуратовых, если верить записям Гербового приказа, и соответственно будущий первый боярин Николаев-Скуратов. Участвовал и победил в трех дуэлях, одна из них, с боярским сыном Бродовым, закончилась смертью последнего.

– Звучит как полный бред, – пробормотал кто-то из присутствующих. – Боярич, мещанин, опричник… И все это меньше чем за год?!

– Господа, празднество начинается, – нарушил воцарившуюся тишину заглянувший в шатер егерь.

Этикет на пленэре – совсем не то же самое, что на приеме. Тем не менее присутствие царской семьи накладывает свой отпечаток и на такое неофициальное «домашнее» мероприятие, как выезд на природу, а посему без некоторых протокольных действий и оно не обходится. Радует только одно: в этом случае придворные расшаркивания и «танцы заводных кукол» сведены к минимуму, так что уже через полчаса после начала мероприятия гости, отдав должное хозяевам праздника и поздравлениям в адрес виновника торжества, смогли расслабиться и обратиться к обычным для такого сборища занятиям, то есть к тихим беседам о делах, досужей болтовне ни о чем и дегустации угощений и вин из царского погреба, под которыми ломились стоящие под огромным матерчатым навесом столы. Впрочем, были среди гостей и те, кто решил заняться иными вещами.

Цесаревич Михаил, нахмурившись, перечитал пришедшее на браслет сообщение, переглянулся с отцом и продемонстрировал ему послание. Государь, прочитав написанное, нервно дернул верхней губой, отчего у близстоящих царедворцев, заметивших это движение, резко испортилось настроение. Заметил это и его младший сын Юрий. Именинник печально вздохнул.

– Не расстраивайся, сын, – неожиданно усмехнулся государь. – Сегодня твой день. Я же обещал.

– Благодарю, отец, – вернув лицу прежнюю невозмутимость, кивнул тот. Но только полный идиот не заметил бы мелькнувшей в глазах младшего царевича радости.

– А что с?.. – выразительно стукнув пальцем по браслету, спросил Михаил.

– Твоя забота, наследник, – прищурившись, ответил государь.

– План «Б» одобришь, отец? – после секундного размышления проговорил цесаревич. – С фейерверком.

– Скинешь валета в отбой? – удивленно поинтересовался государь.

– Зачем же отдавать такой козырь без толку и смысла? Нет уж, я лучше придержу его в рукаве до удачного момента. – Губы Михаила тронула слабая улыбка. – Заодно и мальков поднатаскаем.

– Хочешь сыграть втемную, значит. А не боишься, что он затаит зло?

– Никаких игр, отец. Он не враг, и я буду с ним в меру честен. Так что нет. Не боюсь.

– Не враг, но честен будешь в меру, а? – усмехнулся царь.

– Но и не друг, по крайней мере сейчас, – пожал плечами наследник и, бросив короткий взгляд на браслет, где до сих пор светился индикатор поступившего сообщения, вздохнул: – Я же обещал не втягивать его в политику. Но эти данные… уж очень ситуация удобная. И вариант с фейерверком позволит и человека сберечь, и данное слово сдержать. Посидит в сторонке, хорошим, важным делом занимаясь, пока буча не уляжется. И никто его никуда втягивать не станет. Чем плохо?

– Тем, что ты его самого не спросил и намерен просто поставить перед фактом, – вздернул бровь государь и, качнув головой, договорил: – Что ж… это твой выбор. Действуй, как считаешь нужным. И закончили о делах, сын. Сегодня праздник твоего брата, не забыл?

– Разумеется, – чуть склонил голову цесаревич и потрепал младшего по белобрысой макушке. – Извини, Юр. Больше никаких разговоров о делах сегодня. Обещаю.

Уже двенадцатилетний царевич смешно сморщил нос и, вывернувшись из-под руки брата, улыбнулся:

– Ловлю на слове, братец!

Лошинский, краем глаза следя за окончанием скачек, устроенных на поле молодежью, скользил между шатрами в поисках Николаева и его невесты и недовольно хмурился. Мало того что они так и не объявились у южного поста до начала действа, как обещали, так они даже не соизволили присутствовать на официальной части мероприятия… Вообще как сквозь землю провалились. А как же обещание?

Иван хлопнул кулаком левой руки о ладонь правой и, разочарованно вздохнув, решил вернуться к своим. А что делать? Он обошел весь лагерь, но так и не нашел ни Николаева, ни Бестужевой. И это плохо, Капа будет расстроена. А когда его подруга не в духе, от нее даже старшие братья стараются держаться подальше. Вот ведь га… жалость какая!

К удивлению Лошинского, в своем предположении он ошибся. Когда Иван вернулся к компании и признался, что так и не смог найти разрекламированного им же Кирилла, подруга лишь пожала плечами.

– Думаю, это не последняя возможность познакомиться с ним поближе, – проговорила она и улыбнулась. – Не расстраивайся, Ванечка. Найдется эта пара, и ты вволю потреплешь им нервы расспросами о сестре.

– Да я же не из-за этого! – воскликнул Иван под издевательски-понимающие кивки подруги.

– Конечно-конечно, – пропела Капа, но тут же построжела и, не дав другу разразиться негодующей тирадой, мягко толкнула его ладошкой в плечо. – Тихо, Иван. Мажордом!

Лошинский выпустил сквозь стиснутые зубы воздух и повернулся лицом ко входу в шатер, где, привлекая внимание всех присутствующих, действительно выросла двухметровая фигура мажордома, вооруженного черным обитым серебром посохом с навершием в виде двуглавого орла. Зычный голос, явно усиленный Ветром, пронесся над столами, заставляя колыхаться скатерти и салфетки. Как только у гостей уши не заложило от такого приглашения выйти на свежий воздух?

Ко всеобщему удивлению, покинувшие шатер гости увидели на поле вовсе не ожидавшееся ристалище рыцарского турнира, обещанного к показу, а огромную полосу препятствий, явно выстроенную мощными техниками. Ничем иным столь скоростное строительство объяснить невозможно.

Под медленно стихающий гул гостей, рассаживающихся на зрительской трибуне, место комментатора занял неприметный человек в егерском мундире. Оно и понятно: не мажордому же заниматься такой ерундой!

– Господа, сегодня нас ждет крайне интересное зрелище! – перекрывая шум, начал разливаться соловьем комментатор, представляя…

Лошинский, устроившийся с Капой на скамейке прямо перед царской ложей, помотал головой, посчитав, что ослышался. Переглянулся с сидящей рядом подругой, но изумление на ее лице уверило его, что никакой ошибки нет. А кому и знать о подобных вещах, как не дочери боярина Рюмина, чей род владеет знаменитыми верфями. Правда, в их ассортименте подобной модификации нет и в помине! Спортивный тактический комплекс? Что за чушь?!

– Теперь я поняла, почему его высочество цесаревич прислал мне именное приглашение, – пробормотала девушка, с жадностью глядя на поле, где как раз появился угольно-черный ТК.

Иван вздохнул. Все, милая Капа пропала для общества. Теперь, пока заместитель начальника проектного бюро Рюминских верфей не увидит все, на что способен этот аппарат, пытаться заговорить с ней бесполезно. Фанатичка, что тут поделаешь? Лошинский покосился на бормочущую подругу, горящим взглядом следящую за кульбитами пилота.

– Мм, какая прелесть! Легкий, маневренный, явно предназначен для одаренных… но не наш. На громовский тоже не похож, как и на польский «Гусар». Самоделка? Не похоже. Стоп. Иксобразный силовой набор… «Визель»? Точно, «Визель» без навесного оборудования и съемных бронеплит!

– Капа, – дернул подругу за рукав Иван, но та отмахнулась. – Капа! Капа-а!!!

– Ну чего тебе? – недовольно откликнулась девушка.

– Вот. – Лошинский протянул ей небольшой буклет, только что переданный ему одним из слуг, разносящих по трибунам напитки.

– Что? А… Точно, спортивный тактический комплекс на базе «Визеля». – Капа зашуршала лакированными листами брошюры, не переставая одним глазом следить за скоростными передвижениями пилота по полосе препятствий. Так и косоглазие заработать можно. Но в этот момент она наткнулась на ТТХ комплекса и… залипла окончательно.

Наверное, только этим и можно было объяснить тот факт, что старший вой со склонностью к стихии Ветра Капитолина Саввишна Рюмина не успела отреагировать на внезапно изменившуюся обстановку, и спасать ее от удара несущегося на трибуны массивного тела весом далеко за двести килограммов пришлось ее соседу, только-только получившему статус воя. Во мгновение ока вознесшаяся перед первым рядом гостей каменная стенка глухо хрустнула, и врезавшийся в нее «снаряд» рикошетом ушел в сторону под визг какой-то чересчур впечатлительной и скорой на реакцию боярышни.

Творение Ивана еще не успело осыпаться наземь, а воздух уже наполнился свистом и шипением многочисленных стрелометов. Над царской ложей тут же возник мощный артефактный купол, немедленно налившийся матовым черным цветом, а трибуны расцветились зашипевшими от соприкосновений стихийными щитами.

Сошедший с ума пилот тактического комплекса метался по полю, почти не обращая внимания на искрящуюся от многочисленных попаданий встроенную броню, размахивал двумя тяжелыми, причудливо вогнутыми клинками и с упорством безумца все пытался пробиться к черному куполу царской ложи… пока один из рынд не ссадил его мощной ледяной техникой. Огромная глыба льда моментально вдавила ТК в землю, а в следующую секунду рядом оказались аж три тяжелых громовских комплекса. Глыбу снесло в поле, а поднявшиеся над головами пилотов широкие и тяжелые, словно рельсы, мечи замолотили по раздавленному противнику со скоростью вертолетных лопастей и мощью забивающих сваи копров.

Иван ошеломленно вздохнул. Все действо не заняло и десятка секунд, а показалось, что прошло не меньше десяти минут. Он перевел взгляд на Капу и нервно засмеялся. Девушка, кажется, даже не заметила, что происходит, настолько она углубилась в чтение брошюры.

– Ты чего? – Капа оторвалась от буклета и недоуменно взглянула на хихикающего рядом друга.

– Н-ничего, – замахал тот руками и, покосившись на поле, передернул плечами. – Представление закончилось… по техническим причинам.

– А? Авария? – непонимающе спросила Капа, отвлекшись наконец от чертовой бумажки, и обвела взглядом поляну и до сих пор сияющую активированными щитами трибуну.

– Ну, можно сказать и так, – медленно проговорил Лошинский, поднимаясь со скамейки и подавая подруге руку.

– И это хорошо! – неожиданно улыбнулась девушка.

– Чего? – выпучил глаза Иван.

– Ну… это эгоизм, конечно, но я хочу открыть тему гражданских ТК в нашем бюро. А подобное происшествие на первом показе даст нам немалую фору в работе, – протараторила Капа, но, бросив взгляд на людей, по частям вытаскивающих из ямы искореженные обломки тактического комплекса, резко побледнела. До девушки вдруг дошло, что именно она сказала, и на ее ресницах повисли капли слез. – Я-а-а… я черствая дура, да, Вань?

– Тихо-тихо… тихо. – Прижав к груди содрогающуюся девушку, Лошинский мягко ее обнял и забормотал что-то успокаивающее, не замечая, как рассеиваются поднятые щиты, а над трибунами поднимается гомон взбудораженных происшествием гостей. И уж совершенно точно он не расслышал голоса с царской ложи.

– Да, здоровая конкуренция – она такая…

Глава 4
Встать и идти

После слов цесаревича Михаила, произнесенных с невозмутимостью метронома, в царской ложе повисла тишина, правда, недолгая. И первым не выдержал именинник. Дотянувшись Эфиром до места уничтожения взбесившегося тактического комплекса, он недоуменно нахмурился и взглянул на старшего брата.

– Миша, а что это сейчас было? – продолжая удерживать мощный щит, тихо спросил младший. – В этом ТК… В нем ведь не было пилота, я чувствую!

– Из тебя выйдет замечательный сенсор, братец. Ручаюсь, кроме тебя, этого никто не заметил, – после недолгого молчания усмехнулся цесаревич, но увидев, как насупился Юрий, все же ответил на его вопрос: – То, что ты сейчас видел… скажем так, это была «охота на зайцев».

– Сможешь их подсчитать? – поинтересовался поднявшийся с кресла государь, глядя на младшего сына.

– Проверка боеспособности охраны, – кивнув, заговорил Юрий, загибая пальцы, и, взглянув на возведенный им самим купол, защитивший ложу от атаки ТК, уверенно продолжил: – Проверка моих умений, и… все? Хотя нет. Братец говорил о конкуренции. Рюмины? Очевидно, вы хотите, чтобы они тоже занялись темой гражданских ТК. Итого – три «зайца».

– Не то чтобы мы действительно были озабочены вопросом такой конкуренции. Ты просто не знаешь всей подоплеки этого дела, – заметил Михаил. – Скорее, мы посчитали необходимым немного осадить авторов задумки гражданских ТК. Они хорошие люди и верные вассалы, но чуть окоротить их энтузиазм будет нелишним. Без унижения и не превращая во врагов.

– Это мне непонятно, – вздохнул Юрий.

– Ничего, какие твои годы! Поймешь еще, – усмехнулся государь. – И, кстати, «зайцев» на самом деле как минимум четыре.

– А какой четвертый? – удивился Юрий.

– Ты ведь хотел отпраздновать именины в кругу семьи? – Государь положил руку на плечо младшего сына и аккуратно развернул его в сторону гостей, покидающих трибуны под пристальным вниманием рынд. – Считай, что мы исполнили твое желание. Гости останутся здесь, а мы, как и следует по протоколу безопасности, отправимся домой, в слободу, где нас ждут твои сестры и накрытый стол.

– Правда?! – Глаза младшего сына государя заблестели, и он, не сдержав порыва, крепко обнял отца. Благо в ложе не было никого, кроме них троих, а установленный Юрием щит надежно ограждал их от нескромных взглядов. Так что сейчас царевич мог безнаказанно плевать на этикет. – Спасибо, отец!

Убедившись, что младший сын не видит его лица, государь бросил хмурый взгляд на своего наследника и, сосредоточившись, открыл окно во дворец.

– Сын, сделай все правильно, – подталкивая Юрия к линии перехода, произнес он и, заметив кивок цесаревича, скрылся в моментально захлопнувшемся окне.

Сознание вернулось рывком, в один момент. И это был не тот опыт, который я хотел бы повторить, поскольку вместе с ощущением реальности ко мне пришла боль, пронзившая все тело, словно электрическим разрядом. Она была настолько сильной, что я не сдержал стона.

– Очнулся? – Голос, задавший этот вопрос, колокольным звоном отозвался в моей гудящей голове. В только что открывшихся глазах, и без того пострадавших от ударившего по ним режущего света, помутилось окончательно, и я еле успел перевернуться на бок, прежде чем содержимое моего желудка хлынуло изо рта. – Э, брат, да ты совсем плох! Чем вы его накачали?

– Бэ-двенадцать, стандарт для бескровного захвата. – Ответ на вопрос раздался откуда-то из-за спины. – Возможно, это личная реакция?

– Медика сюда. Пусть осмотрит, – бросил первый.

Послышалось какое-то шуршание, тихие, но быстрые шаги, а еще через минуту меня, все еще скрюченного в позе эмбриона и мало что соображающего, окатило теплом знакомой еще по медбоксу в Беседах диагностической техникой. А после… я вырубился.

Во второй раз возвращение в сознание прошло без осложнений. Не могу сказать, что почувствовал себя абсолютно здоровым, но и особой слабости я не ощущал. Хотя отголоски боли еще чувствовались.

Открыв глаза и убедившись, что меня окружает непроницаемая темнота, я ощупал себя и пришел к выводу, что тщательно подобранному Ольгой костюму можно помахать ручкой. То, во что я был одет, ничуть его не напоминало. Свободная рубаха вместо кителя, джинсы вместо бриджей и кроссовки взамен сапог. Ну, хоть чистое… А теперь пора и осмотреться. «Кошачий глаз» включился без малейших проблем… и я вздохнул. Бетонный мешок без единого окна. Только забранное частой решеткой вентиляционное отверстие под потолком, слишком узкое даже для моего компактного тела, да низкая стальная дверь в дальней стене, которую не вынести и под моим любимым разгоном. Я попытался было открыть окно, но и тут меня ждал большой облом. Эфир вибрировал, дрожал, не позволяя взять его под контроль, и ускользал от моей воли, словно песок сквозь пальцы. Очередной «белый куб», что ли?! Только этой гадости мне и не хватало для полного счастья!

Грохот открывающейся двери заставил меня бросить попытки обуздать взбунтовавшуюся силу и приготовиться использовать те возможности, что остались в моем распоряжении. А это немало. Если судить по успешному применению «кошачьего глаза», проблем с разгоном у меня быть не должно.

– Угомонись, Кирилл. Здесь никто не желает тебе вреда, – резко произнес возникший в дверях мужчина.

– Ваше высочество? – удивился я. Вот не ожидал…

– Узнал, значит? Хорошо. Следуй за мной, есть разговор, – удовлетворенно кивнул цесаревич и, развернувшись, вышел в коридор.

Галереи, переходы и лестницы сменяли друг друга. Серые стены, освещенные тусклым светом забранных стальными решетками плафонов, редкие двери, тяжелые, массивные, похожие одна на другую, без номеров или иных опознавательных знаков… и редкие белые короба в нишах, от которых я и ощущал то самое возмущение, что не позволяло мне воспользоваться эфирными техниками. Дрянная штука.

Уже четверть часа мы шагаем по подземному лабиринту, расположившемуся под Александровским кремлем. Но вот идущий впереди в окружении двух предельно настороженных охранников Михаил остановился перед очередной дверью. Та отворилась словно сама по себе, и шедший в двух шагах за моей спиной рында осторожно подтолкнул меня к дверному проему, в котором уже исчез царский сын.

– Располагайся, Кирилл, – кивнул мне наследник, указав на небольшой двухместный диван, стоящий в углу уютной, заставленной книжными шкафами комнаты. Сам же цесаревич устроился за широким рабочим столом, расположенным рядом. – Чай, кофе? Разговор будет долгим, так что не стесняйся.

– Кофе, пожалуй. – В ответ на мою реплику Михаил кивнул замершему в дверях рынде, и тот моментально исчез из виду, чтобы вернуться через пару минут с огромным серебряным подносом, заставленным чашками и блюдцами с какими-то сластями и возвышающимся посредине кофейником.

– Итак… – Цесаревич дождался, пока я сожру половину печенья на подносе, прежде чем заговорить вновь. – Полагаю, у тебя есть вопросы о происшедшем? Задашь их сейчас или сначала выслушаешь мой рассказ?

– Я бы предпочел сначала выслушать вас, – чуть помедлив, проговорил я, справедливо предполагая, что на единственный вопрос, что крутится в моей голове: «Какого черта здесь происходит?!» – цесаревич ответит все тем же рассказом. Собственно, так оно и вышло.

– Добро, – кивнул Михаил и, побарабанив по столу тонкими сухими пальцами, вздохнул. – Наверное, стоит начать с того, что ты теперь труп, Кирилл Николаевич.

– Э?

– Частично, – попытался успокоить меня цесаревич и тем самым вогнал в еще больший ступор.

– А… можно то же самое, но с подробностями? – помотав головой, спросил я.

– Нужно. Ты был убит при покушении на царскую семью в День тезоименитства его высочества царевича Юрия, пытаясь таким образом отомстить за смерть своего деда, погибшего четыре дня назад при нападении на Аркажский монастырь, которое, по циркулирующим в обществе слухам, организовал мой отец, обеспокоенный неумеренным усилением эфирников и подозревающий их верхушку в намерении узурпировать власть в стране. Разумеется, это версия для очень узкого круга лиц, считающих себя «посвященными». Для остального общества личность «покушавшегося» останется неизвестной, а пострадавший от его нападения и впавший в кому Кирилл Николаев будет проходить лечение в медицинском крыле имения Бестужевых.

– Бой? Дед погиб? Это тоже «версия для посвященных»? – тихо спросил я, и цесаревич на миг опустил голову. А когда он вновь поднял взгляд, в нем была лишь пустота.

– Нет. Аркажский монастырь действительно был уничтожен атакой неизвестных четыре дня назад. И это был чудовищный удар по мощи государства, – проговорил Михаил. – Собственно, именно поэтому мы и устроили этот спектакль с нападением. На трассе, ведущей в Александровскую слободу, рынды засекли чужих наблюдателей. Сразу их брать не стали, решили определить объект интереса. Догадаешься, за кем они присматривали? Но самое главное, наши специалисты пришли к выводу, что одним вуайеризмом сии господа решили не ограничиваться. Иными словами, до имения Бестужевых с нашего праздника ты бы точно не доехал. Пришлось резко перекраивать все планы и вытаскивать тебя под дымовой завесой с подготовленным для игры «Визелем». Как ты понимаешь, в нынешней ситуации мы не можем потерять еще одного гранда.

– Поня-атно, – протянул я, пытаясь уложить в голове рассказ цесаревича. – А Никита Силыч?

– Извини, Кирилл, но род Скуратовых-Бельских прерван, – покачал головой цесаревич.

Я не был близок с дедом. Более того, никакие родственные чувства нас не связывали. Я не мог простить ему бездействия в отношении того, прежнего Кирилла, но уважал, как можно уважать только настоящего профессионала своего дела. И факт его смерти меня… не порадовал. Совсем не порадовал. Из ступора меня вывел голос окликнувшего меня цесаревича:

– Кирилл!

– Ваше высочество… – Я откашлялся и с удивлением увидел на столе перед цесаревичем две невесть откуда взявшиеся полные рюмки, источающие слабый хлебный аромат.

– Помянем, Кирилл. – Мой собеседник поднял одну из рюмок, и я последовал его примеру. Полугар обжег глотку и выбил непрошеную слезу.

– Что с Ольгой? – спросил я после недолгого молчания.

– С ней все в порядке. Я объяснил ситуацию и ей и боярину Бестужеву. Твои ученицы тоже в курсе дела, но видеться в ближайшее время вам нежелательно. По крайней мере, на

людях. Сам понимаешь… – ответил Михаил, явно понимая, что от встреч с семьей я не откажусь.

– Значит, ухожу в подполье? – Я вздохнул.

– Можно сказать и так, – кивнул цесаревич, водружая на стол плоскую шкатулку. – Держи. Здесь документы, браслет с доступом к твоему новому счету и кое-какие инструкции на первое время…

Просмотрев переданные мне документы и нацепив очередной браслет, я уставился на Михаила.

– А теперь выслушай кое-какие подробности, – убедившись, что я готов его слушать, заговорил цесаревич, откидываясь на спинку кресла. – Я редко объясняю свои решения и еще реже прошу за них прощения, но сейчас в этом есть насущная необходимость. Я должен извиниться за то, что ТАК использовал ваше несостоявшееся выступление и не поставил тебя в известность заранее. Был шанс, что такого развития событий удастся избежать, но – увы, не вышло.

– И что же стало причиной? – тихо спросил я, старательно давя в душе недовольство и гнев от того, что из-за игр сильных мира сего мне в очередной раз приходится вертеться как ужу на сковородке. Да и осознание факта, что благодаря сидящему напротив человеку вся моя только-только начавшая входить в колею жизнь вновь сделала кульбит, тоже не способствовало спокойствию. Впрочем, пока мне вполне удавалось скрыть бурлящие эмоции.

– Атака монастыря была не единственным происшествием. За четыре прошедших дня удалось предотвратить два из трех покушений на жизнь известных в стране грандов, – вздохнул цесаревич. – Поэтому, получив во время праздника информацию о подготовке покушения, я решил задействовать в отношении тебя один из запасных планов, с некоторой импровизацией, конечно. Возможно, не самый лучший, но… самый удобный для нас, если честно. Жаль только, что пришлось отпустить твоих несостоявшихся убийц. Взять их означало бы пустить псу под хвост всю затею с дымовой завесой и попытками спрятать тебя.

– И что, остальных грандов вы тоже собираетесь «убить при покушении»? – фыркнул я.

– Почти, – слабо улыбнувшись, пожал плечами Михаил. – У некоторых из них достаточно сил рода для защиты, а те, кто по каким-то причинам лишен такой возможности, будут тем или иным способом скрыты от преследования… как ты, например. Впрочем, это ненадолго. Думаю, уже через полгода, максимум через год, мы полностью решим проблему, и вы сможете вернуться к обычной жизни.

– Ясно. Это воодушевляет, – кивнул я. – А в чем состоит «удобство» этого вашего варианта?

– Я бы даже сказал: «полезность», – отозвался цесаревич. – Суть дела в следующем: как показали недавние события, некоторые секреты нашего государства таковыми уже не являются. Охота на глав специальных служб и атака Аркажского монастыря доказали этот факт. И у меня… у нас с отцом есть весьма обоснованные подозрения, что без утечки информации через клуб эфирников дело не обошлось. Сейчас полным ходом идут проверки всех участников клуба, а остатки ведомства Никиты Силыча переведены в одно из убежищ. О тебе разговор особый. Инсценировка твоего участия в покушении…

– …станет дезинформацией для дальнейшего вывода на чистую воду возможных «кротов», – завершил я фразу вместо моего собеседника.

Цесаревич неопределенно хмыкнул.

– Вообще-то я хотел сказать, что эта инсценировка почти со стопроцентной гарантией избавит тебя от возможного преследования со стороны охотников на грандов, что, в свою очередь, позволит тебе спокойно заниматься подготовкой будущих мастеров Эфира, жизненно необходимых государству, не отвлекаясь на ненужную суету, – произнес он после недолгого молчания.

– И под куда более пристальным присмотром со стороны государства, нежели это было оговорено нами ранее, не так ли? – ядовито дополнил я и, фыркнув, договорил: – Ну и, конечно, у вас и в мыслях не было идеи «слить» реальное положение дел самым вероятным подозреваемым, а потом использовать меня и моих «скрывшихся» коллег в качестве наживки, да?

– Кирилл!

– А что? Вполне ожидаемый ход. Могу поспорить, что тех самых «посвященных», о которых мы говорили в начале нашей беседы, то есть людей, осведомленных одновременно о моей «смерти», связи с Никитой Силычем, его до недавнего времени фиктивной гибели и о беспочвенности слухов вокруг вашего с ним «противостояния», очень и очень немного. Я бы даже сказал, что таких людей не больше десятка на всю страну. Так что вам будет достаточно раскрыть каждому из подозреваемых информацию о местонахождении одного из грандов, а после останется лишь дождаться покушения и так определить личность «крота». Я не прав?

– У тебя извращенная фантазия, Кирилл Николаевич, – еле заметно усмехнулся Михаил.

– Я читал много детективов, ваше высочество, – парировал я, уже понимая, что ни подтверждения, ни опровержения этого предположения не дождусь. – Кстати, если позволите, я выдвину еще одну гипотезу.

– Ну-ка, ну-ка… с удовольствием послушаю, – изобразил предельное внимание мой собеседник.

– Полагаю, ваши действия по инсценировке покушения на празднике преследовали еще одну цель, может быть и побочную, но от этого не менее неприятную для меня, а именно – возможность затормозить процесс получения положительного решения по вопросу организации производства гражданских ТК. Как вы сами сказали, чтобы эта суета не отвлекала меня от обучения будущих мастеров Эфира. Я прав?

– Ну, это уж совершеннейшая чепуха! – не сдержал смешка цесаревич и под моим удивленным взглядом пояснил: – Во-первых, Кирилл, я прекрасно осведомлен о том, кто именно в вашем тандеме с Ольгой Бестужевой действительно занимается проектом гражданского ТК, и это вовсе не ты. А во-вторых… впрочем, об этом тебе скоро расскажет сама Ольга. Через пару-тройку дней, не позже, вот увидишь. И честное слово, ты еще спасибо мне скажешь за помощь. Кстати, можешь считать это компенсацией за причиненные тебе на празднике неудобства и… грядущее вынужденное затворничество.

«Посмотрим», – мысленно хмыкнул я, одновременно кивая собеседнику.

– Скажешь-скажешь, – заверил усмехающийся цесаревич, словно почуяв мое недоверие, но тут же стер улыбку с лица. – Кирилл, а теперь давай оставим пустые гипотезы и поговорим о вещах более приземленных.

– Например?

– Об условиях твоей жизни на ближайшие полгода-год, – произнес Михаил. – И начнем, пожалуй, с самого очевидного – имени и денег. В шкатулке ты найдешь документы на имя рядного боярского сына рода Бестужевых Кирилла Кратова. Возраст – шестнадцать лет, дату рождения посмотришь в паспорте. Теперь о деньгах. На счету твоей новой личности находится та же сумма, что и на счету Кирилла Николаева. Можешь распоряжаться ею как тебе угодно, но учти, по окончании этого театра израсходованная часть средств будет списана с твоего основного счета. Уж извини, но благотворительностью наше казначейство не занимается.

– Понимаю, – кивнул я. Негусто, конечно, но хоть что-то. Не хотелось бы выйти отсюда голодранцем. А в том, что воспользоваться своим личным счетом без риска раскрытия мне не удастся, я не сомневаюсь. Конечно, совсем без денег я бы не остался, Валентин Эдуардович, например, не откажется одолжить любую сумму, хотя необходимость что-то просить мне совсем не по душе. Как не по душе и то, что цесаревич даже не заикнулся о компенсации за уничтоженный «Визель». Жирный минус ему.

– Замечательно. С этим разобрались. – Михаил хлопнул ладонью по столешнице. – Теперь о твоих планах и месте твоего жительства на ближайший год. Сам понимаешь, ни в Сокольниках, ни в Костроме тебе лучше не появляться. А посему… я бы хотел предложить тебе проживание на казенной квартире… и место инструктора в одном из наших закрытых учебных заведений. Естественно, с оплатой согласно твоему статусу.

Ну, вот и стало окончательно ясно, почему цесаревич прибег к этому фарсу. Ну не верю я в байку с подготовленным покушением на мою важнючую персону! Да и способ прикрытия говорит о проведенной подготовке, на которую у людей Михаила, как мне кажется, просто не было времени. Вопрос лишь в том, с чего вдруг его высочеству так приспичило заполучить меня в качестве учителя. Впрочем, это несложно. Единственный человек, что мог продемонстрировать ему свои успехи на ниве оперирования Эфиром, это Аристарх. Не думаю, что он стал бы рассказывать о методах моих тренировок, все же нарушать правила не в его стиле, но ведь ему достаточно было продемонстрировать свое немало возросшее мастерство в работе с Эфиром, и этого хватило. Ну, Михаил, чертов манипулятор! Вряд ли, конечно, он изначально задумывал эту комбинацию, но воспользоваться подвернувшимся случаем… о да, это вполне в духе цесаревича. Ну, змей же, натуральный! Чешуйчатый и ядовитый, чтоб его!

– Благодарю за беспокойство, ваше высочество, но я вынужден отказаться от этого щедрого предложения, – медленно произнес я. – Ваши недавние действия и без того затрудняют исполнение мною взятых на себя обязательств, а предложенная должность и вовсе лишит такой возможности.

– Подумай хорошенько, Кирилл, – проговорил цесаревич. – Думаю, администрация заведения пойдет тебе навстречу и позволит обучать не только курсантов, но и личных учеников. А их можно будет доставлять к месту занятий и обычным окном. Тебе это вполне по силам, не так ли?

– Увы, ваше высочество, но, как вы понимаете, в мое отсутствие ученикам нет причин жить под одной крышей. А это значит, что вместо одного окна перехода мне придется открывать несколько. И о каких занятиях может идти речь, если после такой доставки я буду выжатым лимоном как минимум пару-тройку часов? Нет, даже не уговаривайте.

– Это единственное препятствие? – осведомился Михаил.

– Нет, конечно, – пожал я плечами. – Основной проблемой в данном случае является тот факт, что я физически не в состоянии вести больше пяти-шести учеников одновременно, иначе рискую не выдержать нагрузки и свалиться с истощением. Собственно, я об этом уже как-то рассказывал Федору Георгиевичу… в смысле нынешнему боярину Громову. И если необходимо, он может это подтвердить.

Цесаревич скривился, но поверил, и Эфир не помог. Еще бы, я ведь ни словом не соврал. Просто чуть-чуть недоговорил. Ну в самом деле, зачем ему знать, что в день я могу вести две-три группы, а?

– «Вести», значит, – протянул Михаил. – Это какая-то эфирная техника?

– Можно и так сказать, – кивнул я. – Во время тренировки я контролирую состояние учеников, не позволяя им «хапнуть» Эфира больше, чем способны выдержать их тела, еще не достигшие своего потолка развития. Собственно, это единственное, что отличает мои тренировки от обычных. Остальные наработки – лишь следствие этого приема.

– И ты так спокойно об этом рассказываешь? Делишься секретами? – удивился цесаревич.

– Почему бы и нет? Раз уж я не могу ответить согласием на ваше предложение, то почему бы не помочь хоть чем-то? – ответил я. – К тому же в этом нет никакого секрета. Главное – найти эфирника, развившего свое чутье достаточно, чтобы ощущать энергию в телах людей… и способного удержать их от «жадности».

– Иначе говоря, таким учителем может быть только гранд и мощный сенсор, так? – уточнил мой собеседник, совершенно точно уловив недосказанное. Для него же недосказанное.

– Именно, ваше высочество, – кивнул я. Ну а о том, что учитель должен обладать и некоторыми специфическими знаниями, я умолчу. А что? Никто и не говорил, что я так просто отдам свои наработки.

– Хм, занятно… – проговорил Михаил, явно задумавшись, но, заслышав бой часов, опомнился. – Что ж, спасибо и на этом, Кирилл. А теперь извини, но нам пора закругляться. Тебя проводят к выходу…

Вспомнив наконец правила этикета, я поднялся с дивана и, отвесив полупоклон цесаревичу, шагнул к дверям.

– Кирилл! – окликнул меня Михаил, когда я уже взялся за дверную ручку. Пришлось притормозить. – В случае неприятностей… любых неприятностей! Вызывай подмогу. Красная кнопка на твоем браслете.

Глава 5
Логика действий

Поиск в парке показал полное отсутствие каких-либо наблюдателей вокруг моего дома, а вот обыск самого здания и прилежащей территории закончился двухчасовой работой с найденными в нем чужими фиксаторами, которые пришлось максимально незаметно для операторов подключать к домашнему вычислителю. Уж не знаю, кто именно озаботился такими мерами контроля, цесаревич или какая иная сволочь, но теперь им здесь не светит. Спасибо Ольге за науку, отныне фиксаторы будут передавать лишь смену дня и ночи в пустом доме.

Убедившись, что сделал все возможное и оградил себя от чьего-либо наблюдения, я наконец скинул отвод глаз и, рухнув на диван, тяжело вздохнул. Покосился на купленную в Александрове пластиковую непрозрачную папку, в которую переложил переданные Михаилом документы, но даже не стал за ней тянуться, хотя очень хотелось спалить к чертям ее содержимое, даже не читая.

Усталость накатила волной, заставляя дрожать руки и ноги так, словно я сутки разгружал вагоны. Подремать бы сейчас, да не могу. Мысли мечутся как испуганные зайцы, голова трещит и раскалывается, а глаза застилает красная пелена от гнева… Положительно, соваться в таком состоянии к Ольге – не лучшая идея. Прости, милая, но придется тебе еще немного меня подождать.

Черт, удавил бы цесаревича! Защитить меня он, видите ли, хотел, ага. Сказочник! Не предупредив, не оговорив, даже не приказав! Ладно Там… Там была присяга, был приказ, и на моей шее висело его исполнение. Служба такая, другой не бывает. Но при всей ее строгости ни один генерал никогда не использовал меня и моих людей с таким цинизмом. Нет, бывало, что перед бойцами ставили трудновыполнимые или попросту самоубийственные задачи, использовали как отвлекающий момент или отводили роль наживки, но всегда был приказ, а любые задачи нам именно **ставили**, всегда следуя завету Суворова: «Каждый воин должен знать свой маневр».

Здесь же, кажется, этот принцип не в чести. По крайней мере, у одного ушлого умника с титулом наследника престола и задатками Ришелье. Да, какую бы ярость в отношении цесаревича я ни испытывал, как бы ни хотел его удавить, не могу не признать, что Михаил великолепный игрок и манипулятор. Фактически идя к какой-то своей, неизвестной мне цели, он умудрился эдак походя использовать меня как пешку в своей игре и тем же действием обломать все мои возможные трепыхания. И даже чуть было не заставил на себя работать. Да как же я мог забыть? При этом наследник умудрился соблюсти каждую букву нашего договора и оградил меня от политических игрищ, по крайней мере на ближайшее время. Ведь втянуть во что-то коматозника или труп довольно затруднительно, не так ли? Умно, конечно. Если не считать того, что эти действия сильно ограничили мои возможности и подарили цесаревичу возможность влияния на меня. С-сука!

Так, стоп. Не кипешить и не спешить. Если Кирилл Николаев сейчас недееспособен, а его тезка Кратов находится под колпаком, о чем ненавязчиво намекают найденные мною в доме фиксаторы, «жучки-маячки» на теле, в подаренных цесаревичем браслете-коммуникаторе и сейфе-шкатулке, это же не значит, что и Росомаха должен сложить лапки и смириться, правильно? Правильно. Осталось лишь решить, что делать. Пф, один из двух «вечных» вопросов. Хорошо хоть, что ответ на второй мне уже известен. Вот только дотянуться до шеи этого «виноватого» вряд ли удастся. Да и черт с ним! Не хватало еще бодаться с царской семьей. Один раз попал, узнал, чего стоит царское внимание, и будет. Урок выучен, повторения не требуется, а значит, все благие пожелания Михаила и его же инструкции отправляются в печь.

Хм. А вот, собственно, и задача номер один: обезопасить себя от манипуляций ушлого цесаревича и ему подобных личностей. М-да, большая проблема, как слон большая. А слона надо есть по кусочку…

Что ж, приступим. Кусочек первый, личная безопасность. Дать бы себе по шее за то, с какой легкостью меня спеленали рынды на празднике… Расслабился, дурак, поверил, что на таком сборище никто не станет нападать. Ну как же, ведь «…нет в государстве места безопаснее, чем под защитой ока государя…». Вот тебе и урок номер два. Каким бы крутым ты ни был, гранд, хлопни ушами – и один-единственный дротик со снотворным окунет тебя в дерьмо с головой. Принято и усвоено, отныне контроль над окружающей обстановкой – наше все. Паранойя, радость моя, просыпайся! Считаем, что мятеж продолжается, и каждый встречный-поперечный готовит если не атакующую технику, то стреломет.

Помимо этого стоит внимательнее отнестись к своему окружению. Слабых мест у меня немного, но они есть. Кроме физической безопасности собственного тела, это мои ученики Бестужевы и Вербицкие. Да, тут будет посложнее, особенно учитывая место службы Валентина Эдуардовича и Анатолия Семеновича. Впрочем, если подумать… будущий тесть и его коллега отнюдь не безобидные овечки и сами в состоянии за себя постоять. А вот ученики и Мария – это другой вопрос. По всем законам, писаным и неписаным, их безопасность – моя задача, как учителя и будущего регента. Хм, а может быть, стоит ее немного упростить? Ведь если они окажутся вне досягаемости манипуляторов, то и на меня через них надавить не выйдет, так? Так.

Что ж, решено, сдвигаем прежние планы по времени. Мария войдет в число моих учеников, а после я сделаю все, чтобы ни люди цесаревича, ни кто другой не смог до них добраться. Благо сама Вербицкая уже месяц мнется и не решается попросить меня об обучении. Как бы ни смешно это звучало, но наша непревзойденная актриса, кажется, просто стесняется. Или вопрос в деньгах? Если вспомнить, сколько мне платят Громовы и Посадская… впрочем, это решаемо.

Черт, чуть не забыл! Георгий и Инга… Но с ними все гораздо проще. Официально мое пребывающее в коме тело находится в медбоксе костромского имения Бестужевых, а где должны быть ватажники? При «атамане». Вот пусть и поживут пока под присмотром людей тестя. Валентин Эдуардович не откажет, а мне спокойнее будет. Но прежде нужно обсудить с ними этот вопрос, иначе чем я буду отличаться от Михаила, с его отношением к людям как к бессловесным инструментам? Не-не-не, такой хоккей нам не нужен! Решено, после встречи с Ольгой обязательно загляну к будущему тестю, а оттуда к Жоре с Ингой.

Щелкнув зажигалкой, я прикурил сигарету, вытащенную из найденной на столе пачки, затянулся и, откинувшись на спинку дивана, уставился на поднимающуюся к потолку тонкую ленту дыма. Рука нашарила папку с документами и, выпотрошив ее, ухватилась за несколько исписанных от руки листов и пакет с паспортом.

«Инструкции на первое время», да? Что ж, думаю, прежде чем сжечь, стоит с ними ознакомиться. Хотя бы чтобы знать, что именно мне НЕ СТОИТ делать и с кем НЕ НУЖНО встречаться.

Пакет с паспортом я отложил в сторону и принялся за чтение той белиберды, что написал для меня цесаревич. Данные моего куратора, на котором, оказывается, лежит задача решать любые вопросы, начиная с аренды подходящего жилья и заканчивая взаимоотношениями с властями любой губернии или уезда. Список мест, где мне ни в коем случае нельзя появляться, и перечень лиц, с которыми мне категорически запрещено встречаться. Однако! Если верить этим двум спискам, то мне вообще нужно запереться в каком-нибудь подвале и перемещаться по стране исключительно с помощью окон… или под отводом глаз. Ха! И как апофеоз, список учебных заведений на случай, если я надумаю обзавестись документами об образовании или решу поиграть в школьника. Вот уж на фиг. Только-только отделался от этого геморроя!

А сами инструкции можно свести к одному незатейливому выводу: «Не высовывайся, слушайся взрослых дядек, они знают, как лучше». Что и требовалось доказать. Как бы ни был умен цесаревич, сколько бы и чего он про меня ни узнал, относиться иначе, как к пятнадцатилетнему недорослю, он не собирается. Что ж, оно и к лучшему!

Я глянул на запястье, которое должен был украшать браслет-коммуникатор, переданный мне цесаревичем, и чертыхнулся. Не везет мне на эти устройства, уж сколько я их сменил за прошедший год, не сразу и подсчитаешь! Я вздохнул и, отыскав взглядом стоявший на столе будильник, покачал головой. Выделенное самому себе «свободное» время на исходе, а я так толком и не отдохнул. Ну, хоть успокоился – и то ладно.

Хлопнув ладонями по коленям, я решительно поднялся на ноги и, убрав документы обратно в папку, отправился туда, где оставил браслет, шкатулку с «жучками»… и тот «маячок», что выудил из-под кожи на своей спине.

«Сандуны». Это место я любил еще Там, хотя бывать в нем доводилось нечасто. Сначала из-за службы, а потом запретили врачи. Да и мотаться за две сотни километров от дома до Москвы только для того, чтобы посетить знаменитые бани, было проблематично. А вот сейчас таких проблем с расстояниями нет, и что-то говорит мне, что теперь я стану довольно частым гостем в Сандунах в частности и в банях вообще. По крайней мере, до поры до времени. Почему именно бани? Потому что тот «маячок»-волосок, что я обнаружил в своем теле, как показало его извлечение, весьма чувствителен к жаре и холоду. Иначе говоря, при изменении температуры окружающего его кожного покрова больше, чем на градус, например в душевой, он отключается, переходя в режим накопления энергии, и вновь начинает передавать сигнал в Эфир, когда температура возвращается к норме. Решение удобное и логичное, душ я принимаю утром и вечером, так что проблем с подзарядкой «маячка» нет… но не без изъяна.

Покинув знаменитое заведение, кстати, здесь до сих пор принадлежащее семье основателя, я свернул во дворы и, открыв окно, шагнул в гостиную особняка Бестужевых в отстраивающемся заново боярском городке.

Первой на мое прибытие отреагировала Ольга. Кажется, наше «приключение» заставило ее прийти к тому же выводу, что и я недавно, и теперь невеста непрерывно мониторит окружающую обстановку в Эфире. Ничем другим ее столь скорое появление в пустой гостиной отцовского дома я объяснить не могу.

Во мгновение ока преодолев разделявшее нас расстояние, Оля повисла на моей шее и, окатив шквалом эмоций, молча засопела куда-то мне в ухо. Попытка отцепить от себя переволновавшуюся девушку ни к чему не привела. Невестушка ни в какую не желала размыкать стальную хватку, так что пришлось брать ее на руки и в таком вот виде дефилировать по дому в поисках Валентина Эдуардовича.

Впрочем, это оказался напрасный труд. Едва завидев меня с Олей на руках, Бестужев весело фыркнул и махнул рукой.

– Потом поговорим, Кирилл. А сейчас удели внимание невесте, она за тебя испереживалась. – Боярин подмигнул и, развернувшись, скрылся за дверью в кабинет, только замок щелкнул.

– Слышал, что папа сказал? – прошептала Оля. – Надеюсь, где находится моя комната, ты не забыл. Неси.

– Несу, – улыбнулся я.

Рассказ о событиях тех суток, что прошли с момента нашего расставания, занял не так много времени, и за эти полтора часа я успел поведать не только подробности встречи с цесаревичем, но и свои выводы по ее итогам и даже вкратце дальнейшие планы. Но тут я не стал углубляться в детали просто потому, что они пока отсутствуют.

– Ты прав, Кир, – заключила Оля, внимательно выслушав мой рассказ. – Как бы ни хотел Михаил убедить нас в своем расположении, как бы ни доказывал, что желал лишь защитить

тебя от тех, кто решил уничтожить грандов, доверять ему нельзя. Кирилл, я попрошу только об одном: не вздумай исчезнуть… без меня!

– Обещаю, – кивнул я в ответ. Какая у меня умная невеста, это что-то…

Беседа с Бестужевым состоялась уже поздно вечером, когда Ольга уснула и я наконец смог выбраться из нашей спальни… Вот тогда на мой новый браслет и пришел вызов от хозяина дома. Пришлось менять курс и вместо кухни, куда я направлялся, ползти в кабинет Бестужева.

– И что ты собираешься делать? – поинтересовался Валентин Эдуардович, выслушав практически дословный пересказ моего разговора с цесаревичем.

– Избавиться от контроля царской семьи.

– А как же клятва опричника? – нахмурившись, спросил боярин. Впрочем, в эмоциях его, точнее тех куцых огрызках, что я мог ощутить, не было и намека на недовольство.

– А я и не собираюсь ее нарушать… первым, – пожал я плечами. – Но и соблюдать буду точно так же, как цесаревич, то есть следуя не духу, а букве нашего договора.

– Вот как? Интересно, – после долгой паузы протянул Бестужев. – И в чем будет выражаться это «следование букве»?

– В данный момент это исполнение явно выраженного намерения Михаила на ближайший год скрыть меня от чужих глаз и отстранить от общественной жизни. Я выполню его волю. – Спокойно! Не стоит заплевывать дорогой ковер в кабинете будущего тестя. – Выполню на все сто процентов.

– И ты не собираешься ему мстить? – Боярин удивленно приподнял бровь.

– Я похож на идиота? – ответил я вопросом на вопрос. – Смерть цесаревича в такой неспокойный период способна принести лишь новую смуту. А я пока еще не настолько силен, чтобы гарантированно защитить моих близких в подобном случае.

– То есть полностью со счетов такую возможность ты не сбрасываешь? – подозрительно прищурившись, уточнил Бестужев.

– Пока Михаил не нарушает условий нашего договора и не угрожает моей жизни или жизням моих близких, ему нечего опасаться.

– Не уходи от ответа, Кирилл! – повысил голос боярин.

– Мне не нужна месть, – вздохнул я. – Да, меня взбесил поступок наследника и его попытка привязать к себе, подаваемая под видом беспокойства за мою безопасность и под прикрытием долга сюзерена по защите своего вассала. Да, мне чрезвычайно не нравится, что он уничтожил мое имущество и даже не подумал компенсировать его стоимость. Но это не значит, что я собираюсь перерезать глотку этой жадной сволочи. Не надо считать меня кровожадным идиотом. Как я уже сказал, Михаил действовал в рамках нашего с ним договора, хотя и следовал не его духу, а букве. Я отвечу ему тем же. У меня есть четко прописанные обязательства перед сюзереном, которые я должен исполнять. Что ж, должен, значит, исполню, но… не выходя за пределы наших договоренностей. То есть, как и цесаревич, я собираюсь следовать не духу, а букве соглашения. От сих до сих и ни на йоту больше, толкуя любые разночтения только в свою пользу, и никак иначе. Короче говоря, буду итальянить[2].

Боярин смерил меня долгим взглядом и… расхохотался.

– Да, такого я от тебя не ожидал, – заключил он, вытирая выступившие от смеха слезы. – Устроить наследнику престола и сюзерену итальянскую забастовку… Кирилл, ты страшный человек!

---

[2] **Итальянить** (итальянская забастовка) – форма протеста, заключающаяся в исполнении бастующими своих обязанностей со скрупулезным следованием всем установленным правилам и инструкциям, что приводит к мгновенному падению производительности труда, а то и полной парализации производства.

– Рано радуетесь, Валентин Эдуардович, – вздохнул я, и будущий тесть моментально насторожился. – Это означает, что если наш конфликт с цесаревичем не будет решен до наступления моего восемнадцатого дня рождения, открытие нашей школы не состоится.

– Что? Почему? – взвился Бестужев.

– Потому что бóльшая часть моих обязанностей по договору с наследником касается именно школы.

– Нет школы – нет и обязанностей, так? – понятливо кивнул тесть.

– Именно.

– Что ж, будем надеяться, что вы решите свои противоречия меньше чем за три года, – вздохнул Бестужев, помолчал и, тряхнув головой, слабо улыбнулся. – Ладно, Кирилл. С этим разобрались, а теперь давай поговорим о твоей затее с «исполнением воли сюзерена»…

Разговор с будущим тестем закончился глубоко за полночь, когда в кабинет отца нагрянула Ольга, рассерженная слишком долгим отсутствием жениха в ее спальне.

А утром… очень ранним утром был звонок назначенному мне куратору, и как итог, в полдень, вместо того чтобы вплотную заняться вопросом перехода Марии под мою полную ответственность, я был вынужден изображать Джеймса Бонда и идти на абсолютно не нужную мне встречу с этим… эх!

Шаг в окно – и вот я уже стою в одном из вечно пустых закоулков Замоскворечья. За углом находится дом, доставшийся от родителей Кирилла, но туда мне сейчас не нужно. Встреча назначена в кафе на соседней улице, и до нее еще добрых полчаса. Достаточно для того, чтобы спокойно осмотреться и определить точки, где могут засесть наблюдатели или где они могут разместить фиксаторы. Что ж, отвод глаз мне в помощь.

Короткая пробежка по близлежащим улочкам и переулкам заканчивается у входа в нужное мне кафе. Наблюдатели действительно имеют место быть, точнее, один наблюдатель, занявший место на открытой веранде. Неприметельный тип в сером льняном костюме. Ежик седых волос, невыразительное лицо… мимо такого пройдешь и не заметишь. Единственное, что его выдает, – это полная сосредоточенность, совершенно не совпадающая с расслабленным внешним видом. Браслет, отданный мне Бестужевым и заменивший «подарок» цесаревича, ныне покоящийся в кармане, щелкнул. Вот и «фото». Не знаю, пригодится ли, но пусть будет. Как говорится, запас карман не тянет.

От наблюдений меня отвлек шум двигателя и тихий скрип тормозов остановившегося у тротуара старенького купе «Гепард». Хм, подобную машину проще встретить в автопарке какого-нибудь гордого коллекционера или в музее, чем на проезжей части, но конкретно этот экземпляр, не стесняясь, можно выставить разве что на свалке. Рыдван, видавший лучшие дни. А за его рулем я вижу знакомое по недавнему сеансу связи лицо моего куратора. Правда, сейчас оно выглядит не таким помятым, как во время нашего недавнего разговора, что неудивительно. После моего звонка в пять утра у него было достаточно времени, чтобы привести себя в порядок.

Забавно. Не думал, что доверенные лица царской семьи получают настолько маленькое жалованье. И не надо про конспирацию. Даже если бы этот умник прикатил на нашу встречу сидя за штурвалом спортивного болида «Формулы-1», он бы привлек куда меньше внимания, чем сейчас. Эх… да и черт с ним! Два месяца… мне нужно продержаться только два месяца. И успеть завершить несколько дел, за все те же проклятые два месяца.

Именно с такими мыслями я вошел в кафе, естественно, предварительно скинув с себя отвод глаз в одной из близлежащих подворотен.

– Кирилл? – окликнул меня успевший устроиться за столом и вооружившийся папкой с меню куратор.

– Добрый день, Сергей Александрович, – кивнул я, усевшись в кресло напротив моего нового знакомого.

Чертов день! Чертово задание! Чертов мальчишка! А ведь Сергей еще утром понял, что это будет отвратительная миссия, но он даже не предполагал, насколько все будет плохо.

Сначала этот идиотский звонок в шестом часу утра, когда сам он лег спать в два часа ночи из-за незаконченного отчета. Потом был обожженный горячим чаем язык и, как следствие, залитая все тем же чаем любимая рубашка. Потом была неожиданная поломка машины, вместо которой пришлось выкатывать из гаража давно заросший паутиной отцовский «Гепард», и, как вишенка на торте, встреча с этим малолетним за… занудой. А ведь солнце всего лишь час назад перевалило за полдень!

Сергей тихо застонал, вспоминая ровный безэмоциональный тон, которым его подопечный перечислял список предстоящих дел и требующих скорого решения задач. И первым среди них стал поиск жилья. Вот где мелкий мерзавец показал свою натуру конченого зануды. Сергей заранее ознакомился со своей миссией, и у него был готов обширный и весьма подробный на описания список квартир и домов в самых разных губерниях страны, так что он совершенно не беспокоился об этой стороне дела. Как выяснилось, зря.

Мальчишку интересовало все! От характеристик и местоположения жилья и безопасности района, в котором оно располагается, до расстояния от ближайшей школы, магазинов, аптек, поликлиник и даже пожарных станций! Этот зануда разве что соседями не интересовался, и то лишь потому что без выезда на место этого вопроса не решить! И так с каждым, КАЖДЫМ предлагаемым вариантом. А их, между прочим, в списке Сергея больше полусотни!

Сначала куратор предположил, что подопечный над ним просто издевается. После пятого рассмотренного варианта, глядя в глаза этого чудовища, Сергей понял, что готов его убить. А после двенадцатого убедился, что собеседник абсолютно серьезен и даже не понимает, почему сидящий напротив него мужчина после очередного вопроса о наличии теннисных кортов поблизости от рассматриваемого дома покраснел и начал скрипеть зубами.

– И все-таки северо-восточное направление от Москвы было бы предпочтительнее, – вздохнул Кирилл. Его собеседник моргнул, перевел взгляд на развернутый экран браслета, где красовалась карта с указанием обсуждаемого объекта… Подольск. Северо-восток. Подольск… Северо-восток… По… Подонок!!!

– И зачем тогда расспрашивать о доме, расположенном на юго-западе? – старательно давя поднимающуюся в душе волну бешенства, медленно, с расстановкой спросил Сергей.

Мальчишка в ответ беззаботно пожал плечами:

– Просто интересно было. Красивый же домик.

Куратор взвыл!

– Ты… ты… – задыхаясь от ярости, захрипел куратор.

– Что случилось, вам плохо? Сергей Александрович? – забеспокоился этот… зануда, и Сергей, медленно выдохнув, схватился за стоящий на столе стакан с газировкой. Одним махом опустошив сосуд, он осторожно вернул его на стол, разжал дрожащую ладонь и, прикрыв глаза, постарался успокоиться. Когда же ему это удалось, куратор смерил взглядом сидящего напротив него мальчишку и тяжело вздохнул.

– Кирилл, давай договоримся, а? – тихим бесцветным тоном заговорил Сергей.

– О чем? – поинтересовался тот.

– Ты пообещаешь мне умерить свое любопытство и перестанешь попусту тратить свое и мое время, – произнес Сергей.

– И что мне за это будет? – Губы сидящего напротив мальчишки растянулись в такой хищной улыбке, что куратора передернуло от одного ее вида. Мало того что ему попался подопечный-зануда, так он еще и жадный! Черт, это будет о-очень долгий день.

Часть вторая
Затишье

Глава 1
«Извините» и «спасибо»

Цесаревич отложил в сторону папку с только что прочитанным отчетом и взглянул на вытянувшегося перед его столом во фрунт молодого боярича Зотова.

– Любопытно, – обронил Михаил. – Весьма любопытно… и сухо.

– Ваше высочество? – Вопросительные интонации в голосе боярича легко выдали его недоумение.

– Ну же, Сергей Александрович. Не делайте вид, будто не понимаете, о чем я говорю, – покачал головой цесаревич и ткнул пальцем в папку: – «Видели-слышали, были-сделали…» Перевод бумаги исключительно для постановки галочки в графе «выполнение задания». Одно «но»! Назначая вас куратором, я вовсе не ставил целью умножение бюрократической писанины на моем столе. Так что скажете, господин Зотов?

– Но, ваше высочество… – вскинулся боярич и тут же стушевался под требовательным взглядом своего августейшего начальства. – Я не понимаю.

– Впечатления, Сергей Александрович… и ваше личное мнение о подопечном и первой неделе работы с ним, – сжалился цесаревич. – Вы неплохо разбираетесь в людях, потому я и поручил это заданием именно вам. Итак?

– Прикажете переписать отчет? – медленно произнес боярич, мысленно укоряя себя за «залет».

– Позже, разумеется, – кивнул Михаил. – А сейчас мне хватит и устного доклада. Вы готовы?

– Да, ваше высочество, – после недолгого размышления кивнул Зотов и, вызвав на экран браслета собственный отчет, бумажная копия которого в этот момент покоилась на столе цесаревича, заговорил. – Первое впечатление, составленное мною при знакомстве с подопечным, было крайне отрицательным. Виной тому неудачное начало дня… и поведение Кратова. Если честно, он показался мне жадным, заносчивым, занудным за… кхм.

– Засранцем, да? – усмехнулся Михаил, закончив фразу за своего подчиненного. – Это не новость. А вот насчет заносчивости и занудства прошу высказаться подробнее.

– Хм, с вашего разрешения, я бы продемонстрировал запись нашего знакомства, ваше высочество. Думаю, так будет нагляднее.

– О, это весьма предусмотрительно с вашей стороны, Сергей Александрович, – довольно улыбнулся Михаил, откидываясь на высокую спинку кресла. – Показывайте.

Экран браслета увеличился до метровой диагонали, и Зотов, подобрав ракурс подачи картинки так, чтобы на экране можно было видеть и подопечного, и его самого, запустил воспроизведение. Цесаревич смотрел «кино» молча и только время от времени качал головой.

– Действительно, жадный, занудный… – вздохнул Михаил, когда запись закончилась и боярич вернул экран к прежнему размеру, удобному для чтения документов. – Хм, Сергей Александрович, вы говорили о первом впечатлении. А что, впоследствии оно изменилось?

– Немного, ваше высочество, – с готовностью кивнул Зотов. – Через пару дней после нашего знакомства Кирилл вдруг резко прекратил выводить меня из себя. Не скажу, что мы стали приятелями, он по-прежнему холоден в общении, скрупулезен в исполнении стоящих

перед нами задач и в следовании правилам, придирчив к мелочам, но издеваться перестал и вообще стал предельно вежлив. Правда, от жадности тоже не избавился.

– Через пару дней, говорите? – Цесаревич в задумчивости щелкнул пальцами, но почти тут же его лицо посветлело. – А можете назвать точный день, когда с вашим подопечным произошли эти перемены?

– Разумеется, ваше высочество. – Взгляд боярича пробежал по листам отчета. – Пятница, двенадцатое мая. В этот день мы разбирались с обстановкой квартиры на Акуловой горе, что в Морхинино[3]. Он, кстати, при встрече просил передать вам спасибо. Но за что именно, не уточнил, сказал только, что вам известно – и этого довольно.

– Вот как? Ладно. А Морхинино… это у Учинского водохрана, да? Хорошее место, душевное.

– Да, красивое место. Мы немного поспорили о том, из каких средств будет обставляться его жилье, но даже во время этого обсуждения подопечный ни разу не попытался вывести меня из равновесия.

– Стоп! Что значит «из каких средств»? – удивился Михаил.

– Ну, я полагал, что раз подопечному выделен счет в банковской конторе казначейства, то все расходы должны оплачиваться именно с него.

– А Кратов доказывал обратное, я прав?

– Именно так. Точнее, он напрочь отказался тратить эти деньги, упирая на то, что они принадлежат ему лично и не должны быть включены в «бюджет, выделенный для обеспечения мер безопасности», это дословная цитата, ваше высочество. Переубедить его сразу у меня не вышло, а поскольку терять время в тот момент мы не могли, мне пришлось задействовать оперативный резерв моего отделения. Деньги были взяты наличными по линии служебных расходов, информация об этих расходах занесена в имеющийся у вас отчет.

– Вы поступили правильно, Сергей Александрович, – вздохнул цесаревич. – Моя вина, я не предупредил вас о некоторых моментах… просто забыл, как ни прискорбно. Счет, открытый на имя Кратова, действительно не предназначен для таких трат. Это его личные деньги, и запускать в них руку мы не можем, даже для обеспечения его собственной безопасности. Да… а у вас не сохранилась запись вашего спора?

– Сожалею, ваше высочество. Я не посчитал необходимым фиксировать тот наш разговор.

– Ну и ладно. Это необязательно, к тому же я прекрасно представляю, как этот юноша умеет вести переговоры, – усмехнулся чему-то Михаил. – Он вам не угрожал?

– Нет, – ошеломленно покачал головой Зотов.

– И хорошо. И замечательно. – Цесаревич явно был доволен. – Что ж, у вас есть что добавить к уже сказанному, Сергей Александрович?

– Пожалуй, только общие слова, ваше высочество, – кивнул боярич. – За прошедшую неделю Кратов показал себя как умный и исполнительный молодой человек, закрытый, но не замкнувшийся в себе. Свое положение он полностью осознает, стремления избавиться от опеки не проявляет, точнее, проявляет его в той же мере, что и любой юноша его возраста. Но сомневаться в его здравомыслии не приходится, так что вероятность того, что Кирилл попытается сбежать, невелика.

– Невелика или отсутствует? – прищурился Михаил.

– Когда речь идет о пятнадцатилетних юнцах, ручаться ни в чем нельзя, – слабо улыбнулся Зотов. – Но могу заверить, что в случае Кирилла такой вариант куда менее вероятен, чем в любой боярской семье. Кратов не производит впечатления вспыльчивого и импульсивного

[3] В нашей реальности – город Пушкино Московской области.

юнца, а как показывает практика, именно такие в первую очередь склонны открыто бунтовать против излишнего контроля со стороны взрослых.

– Что ж… я полагаюсь на ваши слова, Сергей Александрович, – после недолгого молчания проговорил цесаревич. – Но прошу быть внимательным и впредь. Как вы только что сами сказали, с пятнадцатилетними юнцами ручаться ни в чем нельзя. Я не предлагаю ужесточать меры наблюдения и формы контроля, все же ваша задача состоит не в том, чтобы полностью оградить подопечного от мира, но бдительность лучше не терять.

– Я понял, ваше высочество, – кивнул Зотов. – В ближайшую пару недель нам с Кириллом предстоит немало встреч, так что у меня еще есть время получше присмотреться к нему и уточнить уже сделанные выводы.

– Добро, Сергей Александрович. А теперь… – Цесаревич перевел взгляд на часы в углу кабинета, и те, словно повинуясь приказу, заиграли полдень. – Прошу прощения, меня ждут дела.

– До свидания, ваше высочество. – Поклонившись, боярич испарился из комнаты, будто его здесь и не было.

– Двенадцатое мая… пятница… спасибо… А что у нас было двенадцатого? – глядя куда-то в потолок, протянул Михаил и вдруг рассмеялся. – Вспомнил, черт его подери! Вспомнил!

Утро пятницы я встретил в очень хорошем настроении, повредить которому не мог даже легкий недосып после ночи, проведенной в особняке Бестужевых. А после первой чашки кофе и от него не осталось и следа. Причина же этого крылась во вчерашнем дне, точнее, в полученной утром посылке, если морской контейнер можно так назвать, конечно, и в приглашении на встречу для Ольги. Правда, и то и другое стало моей ошибкой, но, честно говоря, этим ошибкам я был только рад, как ни странно это звучит.

Я весьма скептически настроен по отношении к цесаревичу, и у меня для этого немало причин. Начиная с бардака в его эфирном клубе и попыток посадить меня на короткий поводок – и заканчивая его легкомысленным отношением к чужому имуществу. В конце концов, из-за интриг Михаила я лишился своего последнего «Визеля»… да и первого тоже. Но тот я в любом случае обязан был сдать в государственную оружейную комнату, так что о нем и вспоминать бессмысленно.

В общем, недавнее заявление цесаревича о том, что я, дескать, еще спасибо ему скажу, я воспринял… Да никак не воспринял, пропустил мимо ушей, и все. Уж слишком очевидным было желание Михаила затормозить работу над созданием гражданских ТК. Как выяснилось, я оказался не прав, и стоящий в гараже бестужевского особняка контейнер с парой «Визелей» в уже собранных стационарных стендах тому подтверждение. Два вместо одного, уничтоженного его рындами! Да, присланные ТК более чем полностью лишены вооружения, а их банки памяти девственно пусты, но, как сказала Ольга, сделать копию системы управления с «Визелей», имеющихся в распоряжении самого Бестужева, проблемой не будет. Правда, сколько времени придется убить на полную очистку обоих ТК от всех натыканных в них жучков, она ответить не смогла. Но это уже другой вопрос… И Жора ей в помощь!

А вторым «подарком» стало приглашение на встречу, присланное Ольге Иваном Лошинским от имени некой Капитолины Саввишны Рюминой.

Да, невеста вдоволь повеселилась, наблюдая за моим ревнивым бурчанием. Ну не верил я, не верил, что Лошинский зовет Ольгу на деловую встречу. Я же видел, как он на нее смотрел тогда, на празднике. Потому и был убежден, что имя Рюминой он использовал только для прикрытия. В результате на рандеву Ольга пошла в сопровождении братца, в кои-то веки отвлекшегося от общения с Марией Вербицкой, а по их возвращении я был вынужден признать свою неправоту во второй раз. Договор о сотрудничестве в области разработки и строительства гражданских ТК, заключенный Ольгой и Капитолиной, послужил доказательством беспочвен-

ности моей ревности. Да, чую, Громовы будут в ярости… И почему даже здесь мне мерещатся длинные уши цесаревича, кто бы сказал, а?

Сегодня был один из тех редких в последнее время дней, что я проводил в особняке Бестужевых. Это было одно из немногих мест, где я появлялся, не опасаясь выдать свое местонахождение любопытным подчиненным цесаревича. В конце концов, что может быть естественнее, чем пребывание боярского сына Бестужевых в их собственном доме, не так ли?

Вот и сегодня, закончив тренировку с учениками, проходившую в огромном спортивном зале городского имения Валентина Эдуардовича, и проводив их в Сокольники на занятие с нанятым медиком, я устроился в гостиной, чтобы подвести итоги своих двухнедельных мотыляний меж Москвой и Морхинином, отягощенных постоянной игрой в прятки с наблюдателями, приставленными цесаревичем, а заодно чтобы перечитать один занимательный договор, заключенный моей невестой с некой Капой Рюминой… Но если с беготней все было ясно и прозрачно, планы исполнялись, техника готовилась, и даже сроки вроде бы не поджимали, то с договором все было куда сложнее. Нет, сам документ не был чем-то зубодробительным. Права и обязанности сторон расписаны ясно, ответственность определена честно и без перекосов для любой из сторон, но кое-что мне все же не давало покоя, и я никак не мог найти время, чтобы обсудить это с Ольгой. То я занят, то она уже не в состоянии говорить на серьезные темы…

Хлопок двери в холле отвлек меня от размышлений, а появившееся на периферии чувств ощущение приближающейся невесты заставило улыбнуться. На ловца и зверь бежит.

Впрочем, начинать серьезный разговор сразу я не хотел. В конце концов, я уже три дня не имел возможности побыть с Олей наедине! Так что сначала ужин, потом «свободное время», а уж потом…

Ворвавшаяся в гостиную суженая тут же оказалась у меня в объятиях, и мысль об ужине как-то сама по себе решила уйти… не попрощавшись. И если бы не появившаяся в комнате следом за Ольгой Раиса, «свободное» время для нас началось бы прямо сейчас. Но чтобы будущая супруга Валентина Эдуардовича и повар от бога оставила обитателей ее дома голодными? Пф, скорее наступит конец света!

А за столом нас уже дожидался сам хозяин дома и неведомо когда вернувшийся с прогулки Леонид, тут же принявшийся сверлить меня недовольным взглядом. Ну да, конечно, Машенька в очередной раз нажаловалась своему кавалеру на «ужасно злого и требовательного садиста-учителя». Сейчас меня будут пилить.

– Даже не вздумай, Леня, – опередил я младшего Бестужева, усаживаясь за стол рядом с Олей. – У нее и так нагрузки вдвое меньше, чем у тебя. Это во-первых, а во-вторых, если твою разлюбезную Вербицкую не устраивает учеба под моим началом, она всегда может от нее отказаться. О последствиях я ее предупреждал… и передай своей подзащитной, что если она еще раз попытается действовать через третьих лиц, о тех самых последствиях я предупрежу и тебя.

– А что за последствия? – тут же поинтересовалась Ольга.

– Мария знает. – Вот еще, стану я сдавать свои козыри… тем более такие! Мне еще жить хочется.

– Ну, Кирилл… – протянула было невеста, но ее остановил внимательный и не обещающий ничего хорошего взгляд отца, единственного непричастного человека, знающего о том самом предупреждении.

– Оставь, дочка. Это только их дело.

Но когда подобные взгляды останавливали мою шебутную невесту? Итогом стало продолжение допроса после ужина. А я ведь так хотел заняться чем-то другим, эх! Придется переносить «свободное время» и немедленно менять тему разговора, забалтывая невесту, пока она не опомнилась. К тому же… нам действительно есть о чем поговорить.

– Оля, объясни мне, идиоту, откуда у Рюминых такой интерес к гражданским комплексам? – вздохнул я, тряхнув папкой с договором. – Мы ведь предполагали, что такие монстры производства, как их верфи и Гром-завод, будут совершенно индифферентны к подобной «возне в песочнице». Где мы просчитались?

– Не мы, а ты, милый, – устало улыбнулась Оля, вытянувшись на диване и удобно устроив свою головку у меня на коленях. Услышав мое сопение, она протянула руку и, ласково погладив меня по щеке, договорила: – Ну не дуйся, а то лопнешь!

– Издеваешься? – хмыкнул я.

– Чуть-чуть, – лениво кивнула Ольга. – На самом деле могу тебя успокоить. «Большим дядькам» действительно неинтересен этот проект. Не те объемы, и «выхлоп» будет слишком мал, а вот для таких людей, как Капа Рюмина, это возможность. Свой проект, абсолютно лояльный родовому делу, расширяющий номенклатуру производства и увеличивающий его гибкость, да еще и не требующий серьезных вложений… это прямой путь наверх. А Капа девочка умная и прекрасно это понимает. Одно «но». Правление не выделит средств на такое производство и не позволит использовать собственных людей для разработки и постройки таких игрушек, а искать исполнителей на стороне – дело долгое и муторное. А здесь мы, уже готовые к работе… ну как тут устоять? Это же возможность обкатать идею вживую, выстроить технологическую цепочку, заметь, построенную на оборудовании, используемом именно рюминскими верфями, с их номенклатурой деталей… В общем, отличная площадка, чтобы показать собственную состоятельность, принести роду пользу… и заработать себе на булавки, конечно.

– Отлично. Сами себе готовим конкурентов, – вздохнул я.

– Глупости, – фыркнула Ольга. – Без нас у нее ничего не выйдет. Заниматься мастерской сама она не сможет, слишком занята на предприятии рода, откуда ее никто не отпустит. А управляющие… это эрзац. Нет личного участия, нет профита и репутации в роду. А кроме того, добавлю, Капа намекнула, что искать сотрудничества с нами, то есть со мной, если быть точной, ей посоветовала одна хорошая подруга, жаловавшаяся на то, что ее любимый младший брат, повернутый на технике вообще и тактических комплексах в частности, своими сожалениями о несчастном случае, из-за которого такой интересный проект повис на волоске, прожужжал уши всей семье.

– Вот так новости. – Я замер. – А фамилия у этой «хорошей подруги» есть?

– Догадливый. Есть, конечно, но их род традиционно ею не пользуется, – довольно произнесла Ольга. М-да, в России есть только один род, представители которого даже в сказках Гербового приказа числятся не иначе как по имени-отчеству да личному прозвищу, если таковое было. А что, их и так все знают и ни с кем не перепутают. В конце концов, с начала письменной истории государства правящая династия не менялась.

– Ну, цесаревич… ну… – Я вздохнул и, справившись с накатившими эмоциями, договорил: – Осталось разобраться, почему он подвел именно Рюмину…

– Кирилл, не тупи, пожалуйста! – откликнулась Ольга. – В стране всего два концерна, занимающихся производством тактических комплексов. Гром-завод и Рюминские верфи, помнишь? Царской семье просто не нужно излишнее сближение и соответственно усиление Громовых и Бестужевых.

– А наше предстоящее бракосочетание как будто этому не поспособствует, – фыркнул я, но тут же осекся. – Стоп. Ничего не говори. Я понял.

– Что именно? – поинтересовалась Оля.

– Я ведь не имею отношения к Громовым, по крайней мере официального, так? К тому же сейчас я опричник, а значит, никаких политических дивидендов род Бестужевых от нашего союза не получит.

– Точно, – щелкнула пальцами моя невеста.

– Но ведь в этом случае и от сближения с опричниками Громовыми Бестужевы не получают ничего, кроме экономической выгоды, да и та будет не настолько велика, чтобы вызвать беспокойство царской семьи.

– А вот тут ты ошибаешься, – покачала головой Оля. – Опричным боярином был Георгий Громов, а твой дядя Федор клятвы опричника не давал и явно не торопится этого делать. И я не удивлюсь, если такое вот промедление и послужило одной из причин, почему цесаревич решил свести нас с Рюмиными, а не с Громовыми.

– Опять интриги. А ведь обещал, скотина венценосная! – поморщившись, заключил я.

– А вот это ты зря, – вдруг нахмурилась моя невеста.

– Да ну?

– Ну да, – передразнила Оля. – Суди сам. Наш род не настолько богат, чтобы организовать не то что завод по производству гражданских комплексов, но даже малое производство. Десять-пятнадцать машин в год – наш предел, зато с участием Рюминых мы вполне можем выйти на сотню-другую комплексов в год. Это понимаю я, это понимает Капитолина, это понимает и цесаревич, но, в отличие от нас с тобой и Капы, прямой выгоды от этого сотрудничества он не получит, из чего можно сделать только один вывод… Михаил просто нашел такой вот своеобразный способ извиниться за свою выходку на Дне тезоименитства его младшего брата… Да и подаренные «Визели» говорят о том же. Или ты считаешь, что и в этом его «подарке» есть второе дно?

– Помимо тех трех десятков «жучков» и фиксаторов, что вы с Жорой в них отыскали? Вряд ли. Вообще, может быть, конечно, ты и права, если не учитывать только что озвученной тобой же догадки о том, что таким образом цесаревич получил возможность поторопить дядю Федора с принятием решения о вступлении в опричную братчину и воплотить в жизнь желание не дать сблизиться родам Громовых и Бестужевых за счет совместных финансовых интересов, – заметил я.

– Вот ты упрямый, – недовольно покачала головой Оля. – Даже если так, кто может запретить ему попутно добиваться исполнения своих целей?

– За мой… за наш счет! – буркнул я. – Я тебе рассказывал, как он пытался меня засунуть инструктором в какую-то дыру, «пока не закончится эта возня с охотой на грандов»? Хорошее дело… То прощения просит, то пытается на короткий поводок со строгим ошейником взять.

– Но ты ведь отказался, не так ли? А он не стал настаивать, – заметила Ольга, хотя упоминание этого момента удовольствия ей явно не доставило. – Кирилл, пойми простую вещь. Он – наследник престола, для него интересы государства всегда будут выше интересов личности… любой личности, понимаешь?

– Понимаю, – успокаиваясь, кивнул я невесте и закончил: – Но не принимаю. Тем более никаких гарантий, что, удовлетворившись отказом, Михаил прекратит попытки посадить меня на цепь, у нас нет. Ты это понимаешь?

– Да, – нехотя кивнула Ольга. – Но надеюсь, что повторять этот опыт он не станет.

– Хм… надежда… одной надеждой сыт не будешь, – пробурчал я. – И на слово этому лису я не верю, уж прости, если это задевает твои патриотические чувства.

– Кирилл, давай не будем ссориться, а? – устало попросила суженая. – Я согласна, что с цесаревичем нужно держать ухо востро, но не принимай в штыки абсолютно все происходящее вокруг, пожалуйста.

– Даже и не думал, – отозвался я и после недолгого молчания произнес: – Попробуем договориться, милая? Я не возражаю против сотрудничества с Рюмиными, все же это твоя епархия, а ты…

– А я не буду столь доверчива по отношению к действиям цесаревича, да? – неожиданно улыбнулась Ольга и кивнула: – Договорились. Как показывает практика, твоя паранойя порой идет только на пользу делу. Главное здесь – не переборщить!

– Вот и замечательно. – Я расслабился. – А теперь поведай мне, пожалуйста, как прошло ваше сегодняшнее занятие у медика?

Глава 2
Домашние обеды

Деньги-деньги-деньги… После «покупки» земли в Сокольниках, приобретения спасплатформы с последующей ее доработкой и прочих трат от радующей взгляд суммы почти в четыреста тысяч рублей на моем счету осталось всего сто девять тысяч. Это не считая оставленного родителями депозита в полсотни тысяч рублей, дотянуться до которого мне не светит до самого восемнадцатилетия, и ренты с завещанного ими же замоскворецкого дома. Казалось бы, огромные деньги? Да, немалые. Их, пожалуй, хватило бы на долгую и весьма безбедную жизнь, но только не в моем случае. Для исполнения задуманного этой суммы хватит едва ли не впритык, а это совсем нехорошо. Одна надежда на то, что мне не придется приводить свой план в действие до того, как Громовы перечислят ежегодную плату за обучение близняшек. И чтобы такого не произошло, сейчас мне приходится быть предельно аккуратным и внимательным.

Размышления о бренном прервал скрежет ключа в замке входной двери. Потом в коридоре послышался уверенный стук каблуков, и в проеме кухонной двери возник Сергей. Даже обувь в прихожей снять не соизволил, сволочь! А тапки я для кого там поставил?!

– Добрый день, Кирилл. – Вошедший в квартиру, как к себе домой, куратор махнул мне рукой и, не дожидаясь приглашения, внаглую уселся за стол.

– Неплохой денек, – кивнул я, наблюдая, как Сергей принюхивается к стоящим передо мной блюдам. А вот когда его рука потянулась к одному из них, не выдержал: – Руки!

– Что? – Отпрянув так, что едва не грохнулся со стула, Зотов перевел на меня шалый взгляд.

– Руки, говорю, перед едой мыть надо, – вежливо улыбнулся я.

Куратор хмыкнул и, демонстративно создав перед собой сферу горячей воды, сполоснул в ней ладони, после чего булькающий шар был направлен им в сторону кухонной стойки, где и расплескался о латунное дно мойки. Техника воя, между прочим.

Продемонстрированный фокус не добавил мне хорошего настроения. Тем более что куратор хоть и не в курсе моего настоящего имени и прошлого, но о вечном моем «ученичестве» в стихиях осведомлен. Бесит, тварь. Специально бесит.

– Все? – с еле заметной ухмылкой спросил Зотов, демонстрируя мне вымытые и уже высушенные ветром ладони. Детский сад…

– Приборы в верхнем ящике рабочего стола, тарелки в шкафу, – кивнул я и, дождавшись, пока гость, вооружившись вилкой, ножом и тарелкой, вновь устроится за столом, договорил: – Вы уже в третий раз приходите в мой дом без приглашения и точно к обеду. Вам так нравятся приготовленные мною блюда?

– Да, ты очень неплохо готовишь, Кирилл. Вкусно, – согласился Сергей, наворачивая телячий гуляш со сдобренной шкварками гречневой кашей.

Я улыбнулся:

– Что ж, тогда учтите, с этого дня столование в моем доме для вас становится платным. Обед – пятьдесят рублей, ужин – сто.

– Ты… – Зотов аж поперхнулся, но, справившись с собой, утер салфеткой губы и, окинув взглядом стол, на всякий случай отодвинулся от него подальше. – Ты с ума сошел?

– Отчего же? Любой труд должен быть оплачен, не так ли? И раз уж вы решили питаться в моем доме, будьте любезны возместить мои затраты сил, времени и денег на ваш прокорм.

– Но сто рублей!!!

– Сейчас обед. Пятьдесят рублей, – поправил я охреневшего от происходящего куратора.

– Да черт с ним! Таких цен ни в одном ресторане нет!

– Это проблемы ресторанов, которые не ценят труд своего персонала. Я же свой талант и труд оцениваю по достоинству, – пожав плечами, ответил я и осведомился, кивнув на почти пустую тарелку, стоящую перед моим невежливым куратором: – Добавки?

– Обойдусь, – буркнул он, поднимаясь из-за стола, а в следующую секунду я услышал щелчок зажигалки.

– Ваши манеры ужасны, Сергей Александрович. Будьте добры дождаться, пока я доем, или, если вам так уж хочется курить, выйдите на лестничную площадку.

Вместо ответа Зотов подорвался с места и, покинув кухню-столовую, скрылся за дверью гостиной. К тому моменту, когда я закончил с обедом и, вымыв и убрав посуду, вышел с кухни, мой куратор уже успокоился.

– Я думал, мы обо всем договорились, и больше никаких издевательств с твоей стороны не будет, – со вздохом произнес куратор, раскладывая на журнальном столике какие-то бумаги.

– Если я не язвлю, это не значит, что вам позволено сесть мне на шею и свесить ножки, – отозвался я. – К тому же терпеть не могу хамов. Можете так и записать в выводах по проведенному вами сегодня психологическому эксперименту.

– Кхм. Эксперименту? – Сергей приподнял бровь, изображая удивление. Актер… погорелого театра. Его бы Машке отдать, она бы за месяц из этого боярича артиста сделала.

– Только не нужно изображать иди… кхм. – Я осекся и тяжело вздохнул.

Надоело. Мне откровенно надоело участвовать в этом фарсе. И либо это прекратится здесь и сейчас, либо… я плюну на должок Громовых и приступлю к исполнению своих планов немедленно. В конце концов, с оплатой обучения близняшек тоже можно что-то придумать. Что ж, выбор за куратором, и в его же интересах сделать этот выбор правильно. Если, конечно, будущая служба по охране льдов русской Арктики не является пределом его мечтаний.

– Сергей Александрович, вы уже вторую неделю только тем и занимаетесь, что отслеживаете мои реакции на различные раздражители, может быть, уже хватит, а? По-моему, за это время можно было составить психопортреты доброго десятка людей.

Зотов смерил меня долгим, очень задумчивым взглядом и чуть погодя кивнул.

– Хм, ладно. Будем считать эту фазу законченной, – пробормотал боярич и принялся собирать бумаги, только что разложенные им на столике, складывая их обратно в папку.

– Еще один эксперимент? – спросил я.

– Что-то вроде того, – нехотя согласился Зотов. – Хотел предложить тебе школу на выбор.

– Вот спасибо! – «обрадовался» я. – Мне только этого не хватало. Извините, Сергей Александрович, но я уже сдал выпускные экзамены экстерном и совершенно не горю желанием возвращаться обратно за парту.

– Знаю. В твоем деле стоит отметка о сданных предметах. Много времени ушло на сдачу? – совершенно спокойным тоном спросил боярич.

– Вся последняя неделя апреля и пара дней в мае, – пожал я плечами.

– Силен, – качнул он головой и, на мгновение задумавшись, предложил: – Можно оформить такой же экстерн в одной из государевых школ, но не в столичных. Там все на виду, так что сунуть в школу никогда не существовавшего ученика будет непросто. Точнее, просто, но слишком уж велик риск раскрытия такой подделки.

– Да мне как-то без разницы, – ответил я. – Пусть аттестат хоть в Дальнем выдадут, лишь бы он настоящим был.

– Ну, Дальний, пожалуй, будет перебором, – усмехнулся Зотов. – А вот, скажем, Тобольск… вполне подойдет. Тем более что там у Бестужевых, бояр твоих, свое имение есть. Да и костяк легенды по этому варианту у меня уже готов. Как, подойдет тебе столица Сибири в качестве прошлого места жительства?

– У меня говор не тот, – предупредил я, – и имитировать его я не умею.

– И не надо, – отмахнулся куратор. – Там сейчас такая мешанина людей и народов, что ничего удивительного в твоем московском выговоре никто не обнаружит. Значит, Тобольск?

В ответ я кивнул. Что ж, плюсик бояричу. Если он и отправится считать белых медведей, то точно не завтра.

Дернувший руку браслет, прячущийся от взоров любопытных под длинным рукавом толстовки, отвлек меня от размышлений на тему везучести отдельных представителей государственной власти. Черт, совсем не вовремя, придется отклонить вызов. Ну да ладно, кто бы то ни был, звонивший на ЭТОТ браслет знает наверняка, что я не всегда могу ответить сразу. Так что подождет, пока я перезвоню.

А куратор, как назло, все тянул и тянул время, не желая оставить меня в одиночестве. И не сказать, что беседа у нас была ни о чем, скорее наоборот, говорили только по делу. Зотов расписывал примерную легенду моей жизни в Тобольске, рассказывал о городе и его населении, не забывая сбрасывать соответствующие материалы на «подаренный» цесаревичем браслет. В общем, вовсю демонстрировал отличную подготовку к вопросу.

– Съездить бы туда… – Я почесал кончик носа, одновременно пытаясь задавить довольную ухмылку от пришедшей в голову идеи. – На месте посмотреть, что к чему, по улицам походить, людей послушать. В школу опять же заглянуть.

– Съездить? – Зотов нахмурился. – Вот… не знаю, Кирилл. Но зачем, ради полугодовой «маски»?

– А где гарантия, что она не станет моим лицом больше чем на полгода или даже год? – спросил я. – Ни вам, ни мне неизвестно, когда и, главное, чем закончатся события, из-за которых я вынужден прятать свое настоящее лицо. Нет уж, работать над легендой – так всерьез!

– Хм… с этой точки зрения я ситуацию не рассматривал, – признался Зотов и развел руками. – Но извини, Кирилл, принятие решения по такому вопросу находится далеко за пределами моей компетенции. Мне нужно посоветоваться с начальством.

– Понимаю, – кивнул я. – Но согласитесь, идея хороша.

– Не буду спорить, – отозвался мой собеседник и, глянув на часы, поднялся на ноги. – Я доложу об этом разговоре сегодня же. Время еще есть, и начальство должно быть на месте, должен успеть. Если получится, завтра при встрече расскажу о результатах.

– Договорились, Сергей Александрович, – улыбнулся я и, проводив гостя, аккуратно заглушил находящиеся в квартире фиксаторы. Мне совсем не нужно, чтобы наблюдатели засекли мою болтовню по «левому» браслету.

– Привет, Лень. Что у тебя случилось? – перезвонив по отклоненному недавно номеру, спросил я.

– Кирилл, привет. Прошу, помоги. Поговори с Машкой, а то она меня уже допекла со своим нытьем о тяжести тренировок, – тихо и очень устало произнес он. Я присмотрелся и… Действительно допекла. Таким разбитым и замотанным я Леньку еще не видел. Придется спасать.

– Ольга рядом? – спросил я. Младший Бестужев кивнул, оживая на глазах. – Позови.

– Кир? – Возникшая «в кадре» невеста так и лучилась любопытством.

– Солнце мое, у меня к тебе одна просьба и одна новость, – улыбнулся я. – Просьба: в мое отсутствие возьми шефство над Марией, как старшая ученица над младшей. Погоняй ее ради братика, пожалуйста.

– С превеликим удовольствием, – промурлыкала Оля, да так, что Леонида передернуло. – А что за новость?

– Я нашел место для игр на свежем воздухе. Без лишних глаз и ушей. – А вот теперь вздрогнули они оба. Что ж, у них есть повод, честное слово.

На следующий день ответа на свой вопрос-предложение я не получил. Просто по причине отсутствия куратора в зоне досягаемости. Нашу встречу он отменил, а найти Сергея по браслету не удалось. «Абонент недоступен»…

Ну, может быть, оно и к лучшему? По крайней мере, у меня появилось немного больше времени на личные дела. Так что, убедившись в невозможности связаться с куратором, я недолго думая скинул «маячки» и, открыв окно, шагнул к Ольге.

Невеста со всей ответственностью отнеслась к порученной ей задаче и сейчас, как оказалось, была занята ее выполнением. Именно так я расценил витающий в тренировочном зале легкий запах озона и треск электрических разрядов, впивающихся в пятую точку бегущей по кругу Марии. И судя по тому что, кроме усталости, лицо нашей актрисы не выражало никаких чувств, а врезающиеся в попу разряды лишь заставляли ее немного вздрагивать, не вызывая даже возмущения, бегает она уже давненько. И это хорошо.

В этот момент Ольга почувствовала мое присутствие, и очередная, но куда более мощная молния ударила не по трети… тренируемой, а в пяти метрах перед ней, отчего Мария резко затормозила и, не удержавшись на ногах, перекатом ушла чуть в сторону от образовавшегося на полу обугленного, пышущего жаром пятна. Неплохие рефлексы.

– Доброго дня, ученицы, – поприветствовал я девушек и, послав обернувшейся в мою сторону Оле волну теплых эмоций, направился прямиком к распластавшейся на холодном полу в форме морской звезды Марии. Суженая чуть сморщила носик, но настаивать на обнимашках не стала. И правильно: чувства чувствами, но на тренировках им не место.

Остановившись перед тяжело дышащей младшей ученицей, упершей совершенно бездумный взгляд в потолок, я постарался оценить степень ее усталости и… хмыкнул.

– Вижу, ты подошла к исполнению моего поручения с полной самоотдачей, – констатировал я, закончив визуальный осмотр Марии, и повернулся к своей невесте. – Такой энтузиазм меня безмерно радует.

Оля довольно кивнула, а Вербицкая, вздрогнув, словно пришла в себя.

– А вот у меня это вызывает совершенно противоположные эмоции, – пробормотала валяющаяся на полу девушка, справившись с тяжелым дыханием.

– Поверьте, Мария Анатольевна, ваше мнение по этому поводу интересует меня в самую-самую последнюю очередь, – радостно поведал я ученице. Хм, неужели у меня такая страшная улыбка, что ее так передернуло?

– Учитель, не пугайте Машеньку, она и так старается изо всех сил, – с преувеличенно серьезным видом высказалась Ольга.

– Да ну? Уверена? – прищурился я. Оля в ответ кивнула, хотя и несколько неуверенно. Хо-о! Проверим. Я вновь повернулся к Марии: – Ученица, подъем и бегом марш!

– Не могу. – Вербицкая помотала головой, отчего слипшиеся от пота волосы мокро шлепнули по полу.

– Я не спрашивал, что ты можешь. – Эфир волной изморози пополз от моих ног к младшей ученице. – Я сказал, встала и побежала.

Белоснежные узоры достигли ее тела и поползли вверх по одежде, превращая влажную от пота футболку и спортивные шорты в негнущийся картон и заставляя волосы сверкать от несвоевременной «седины». От прикосновения хлада Мария вздрогнула, но даже не предприняла попытки подняться.

– Заболеешь, – честно предупредил я. – И умрешь.

– Врачи не дадут, – процедила она сквозь зубы, сверля меня злым взглядом. Вот, уже пошла реакция.

– А кто сказал, что я их к тебе подпущу? – в притворном недоумении развел я руками, не прекращая давить на упрямицу хладом. – И вообще зачем тебе врачи? У вас уже две недели занятия по полевой медицине идут. Вот заодно и проверим уровень знаний.

– Мы только травмы проходили, – буркнула Мария.

– О! – «обрадовался» я. – Хочешь, чтобы я тебе что-нибудь сломал для полноты проверки знаний? Хоро-ошая идея.

– Мария, вставай! – Из голоса Оли напрочь исчезли игривые нотки. – Он может!

Какая вера в мои таланты, а? Это радует. Я покосился на завозившуюся на полу младшую ученицу и довольно кивнул. Поверила… точнее, почуяла серьезность слов Ольги. Что и требовалось доказать. А то: «Эмпатия – это врожде-онное, научиться невозмо-ожно…» Тьфу на этих теоретиков! Вот же оно, наглядное опровержение. Уже почти на ноги поднялось, еще немного – и заковыляет вдоль стеночки. Ну-ка!

Стоило моей ярости коснуться Вербицкой, как та, взвизгнув, припустила через весь зал и, в три гигантских прыжка оказавшись у дверей, скрылась в женской раздевалке. М-да, перестарался. Я переглянулся с удивленно глянувшей вслед удравшей ученице Ольгой и пожал плечами.

– Пожалуй, нагрузку можно увеличить, – констатировала моя суженая.

– Не стоит, – покачал я головой. – Наша задача на данный момент – привести ее в тонус, а не наращивать физические кондиции. Она слишком расслабилась под теплым крылышком матери.

– Так ведь та и не готовила из дочери боевика, – пожала плечами Оля. – Хотя начальная подготовка у нее все же есть. И неплохая.

– И мы не будем превращать ее в машину смерти, – откликнулся я. – По моему мнению, из нее нужно делать мозгокрута. Чтение мимики и движений, эмпатия, иллюзии, сенсорика, в этом наша актриса будет сильна, если натаскать по уму. Но этим займемся позже, а сначала приведем нашу Машу в форму и привьем ей навыки самозащиты, иначе в один далеко не прекрасный момент она может стать для нас обузой. Или для вас.

– Для нас? Ты что-то задумал? – осведомилась Ольга, жестом приглашая меня в круг.

– Что-то задумал, – эхом отозвался я, останавливаясь в двух шагах от невесты, уже вставшей в стойку. Вот и замечательно. Поговорим позже, а сейчас… бой!

Хлесткие удары гибких рук сменялись размашистыми и резкими ударами длинных и сильных ног, заставляя меня то и дело рвать дистанцию. За время наших тренировок Оля многому научилась, в частности, не пускать меня в ближний бой. Знает, что в этом случае спарринг мгновенно закончится встречей ее спины с полом. Блок, блок… уход вниз от «выстрелившей» мне в подбородок пятки, и… зря она так. Удар под колено выбил опорную ногу, и Оля, не удержавшись, полетела наземь. Дожидаться, пока она сядет на пятую точку, я не стал и подхватил невесту на руки.

– А была бы ты парнем – я бы ударил по «бубенцам». В следующий раз будь аккуратнее с работой ногами по верхнему уровню, – проговорил я, поудобнее перехватывая устроившуюся у меня на руках невесту.

– Я запомню, – хихикнула Оля. – Без великой нужды ногами не размахивать, в бою лупить по… кхм.

– Умница, – кивнул я. – Что с Марией делать, поняла?

– Грязные приемчики? – явно на всякий случай уточнила Ольга.

– Именно, – подтвердил я. – Как ты и сказала, боевика из нее делать бессмысленно. По крайней мере, в имеющиеся у нас сроки точно не уложимся. Но на эффективную защиту мы ее натаскать обязаны. Со стрелковой подготовкой, как я помню, у нее более или менее все в порядке, значит, на мою долю достанется «холодняк», а ты будешь натаскивать по рукопашке.

– Почему не сам? – спросила Оля. – Аристарх Макарович говорил, что твои навыки как раз и «заточены» на… жесткую и быструю ликвидацию угрозы.

– Солнышко, моя техника боя не предназначена для женщин. Уж это-то ты должна была понять.

– Это сексизм, – буркнула Ольга, отчего я чуть не уронил ее на пол.

– Я не буду спрашивать, где ты набралась этого бреда, – медленно произнес я, покачав головой. – Но это не сексизм, а чистая физиология. Или для тебя секрет, что мужчины и женщины отличаются? А что это мы так покраснели? Милая, какие пошлости пришли в твою светлую головку, а?

– Дурак, – пробормотала невеста.

– Оленька, вспомни наши спарринги. Даже при нашей разнице в возрасте… ай! Отставить таскать учителя за волосы!

– Что ты там сказал про возраст, а? Я что, старая?! – сердито засверкала глазами Ольга. И ведь чувствую, что это не всерьез, от невесты так и шибает весельем, но…

– Уроню, – пригрозил я.

В ответ руки суженой только крепче обняли меня за шею. Ну, хоть волосы в покое оставила, и то хлеб. Я пинком открыл дверь в раздевалку, где не было уже и следа Вербицкой. Уковыляла подальше от учителей-садистов, наверное.

– Серьезно, Оль. Суди сама: у тебя уже практически сформировавшееся взрослое тело, тогда как я только-только вышел из подросткового возраста и еще долго буду расти и набирать мышечную массу, но даже сейчас чисто физически я сильнее тебя, и этот разрыв будет только увеличиваться, понимаешь? Все мои навыки рассчитаны именно на мужское тело, со всеми его плюсами и минусами. Меньшая подвижность, но бóльшая крепость. Меньшая гибкость, но бóльшая сила… и так далее. В общем, мой стиль боя не для хрупких девушек. Поэтому я вас ему и не учу.

– Зачем же тогда ты на каждой тренировке устраиваешь спарринги с нами? – нахмурилась Оля.

– Чтобы вы привыкали к бою с физически развитыми противниками-мужчинами. И у вас уже неплохо получается, должен признать, – ответил я, «сгружая» невесту на массажный стол. – И ты, и близняшки с Елизаветой в бою со мной давно перестали чураться «грязных» приемов. Вот и из Марии выбьете ненужную щепетильность. Понятно?

– И как быстро мы должны это сделать? – спросила Оля.

– Как можно быстрее. Времени на раскачку у нас нет.

– Совсем? – мурлыкнула невеста, поднимая руки, чтобы мне было удобнее избавить ее от футболки.

– Почти, – отозвался я, отбрасывая в сторону ненужный предмет гардероба, и взялся за завязки ее шортов. Миг, и еще одна тряпочка полетела за спину. Ольга ухватилась было за мою толстовку, но я отвел ее руки в сторону и, вновь подхватив девушку на руки, двинулся к двери, ведущей в соседнюю комнату. – По моим подсчетам, у нас есть примерно два с половиной месяца на все про все. К исходу этого срока Маша должна вернуть форму, в которой она была до того, как госпожа Вербицкая взяла обучение дочери в свои руки.

– Понятно, – тихо проговорила Оля, млея у меня на руках. – Кирилл, а куда ты меня несешь, а?

– Сюда, – коротко ответил я и, оторвав от себя суженую, резко подкинул ее в воздух. Плюх!

– А-а-а-а-а! Мерзавец! Она же холодна-ая-а-а-а! – завизжала Оля, вынырнув из воды. Только эхо заметалось, отражаясь от покрытых кафелем стенок трехметрового бассейна.

– А Эфир тебе на что? – делано изумился я. – Согрей.

– Кирилл, выберусь – убью! – пропыхтела Ольга, всколыхнув Эфир, и над бассейном взвился пар.

– Может, лучше массаж? – улыбнулся я.

Невеста на миг замерла и кивнула.

– А потом убью, – пробулькала она, погрузившись в нагревшуюся воду по самые ноздри.

Глава 3
Самоисполняющиеся планы

– Тобольск, да? – задумчиво проговорил Михаил, равнодушно взирая на суету за окном его кабинета. – И кто предложил именно этот вариант?

– Я. – Зотов ничуть не обманывался тоном цесаревича и сейчас судорожно пытался понять, не допустил ли он ошибку.

– Это точно? Кирилл не подводил вас к этой идее?

– Совершенно точно. До последней встречи эта тема нами вообще не поднималась ни в одном из разговоров. Да и… Я продумывал как минимум три варианта, но остановился на Тобольске, поскольку там находится одно из владений рода Бестужевых, и учеба их боярского сына в одной из местных школ выглядит более чем логично.

– Ясно. А от кого исходило предложение отправиться туда для изучения обстановки на месте? – все с тем же безразличием в голосе спросил Михаил.

– Кратов. Это его идея, ваше высочество. И осмелюсь заметить, не самая плохая.

– Согласен. Но у нас там не так много людей, чтобы обеспечить должный надзор за этим юношей, – побарабанив длинными пальцами по широкому массивному подоконнику, проговорил цесаревич. – Отдавать же приказ местным – значит наделать шуму на всю губернию.

– Предполагаете возможность покушения? – напрягся Зотов, но цесаревич только мотнул головой.

– Нет. В этом случае я уверен, что Кирилл справится. Просто не хочу привлекать к нему ненужное внимание. А возня губернских вокруг Кратова, равно как и наплыв столичных специалистов, насторожат даже тобольских городовых. Кроме того, у меня есть подозрение, что если вы с Кириллом отправитесь «осмотреться на местности», следом потянутся и некоторые его знакомые, которым лучше бы оставаться в столице. А это тоже лишнее внимание, которого следует избегать.

– То есть мне отказать Кириллу в поездке? – уточнил боярич.

– Пожалуй… нет. Потяните время. Идея хороша, и будет странно, если мы сразу дадим резко отрицательный ответ. Да, пожалуй, так будет лучше всего. Тяните время, Сергей Александрович. «Начальство ду-умает»… – Михаил еле заметно улыбнулся. – Но не лишайте его надежды на положительный исход дела, тем более что он вполне возможен. Вам все ясно?

– Кристально, ваше высочество, – кивнул Зотов.

– Вот и замечательно. Можете идти, Сергей Александрович, – отпустил подчиненного цесаревич, но тот чуть задержался. – Вопросы?

– Скорее, предложение, – чуть замявшись, произнес боярич.

– Слушаю. – В интонациях повернувшегося к Зотову цесаревича мелькнули нотки интереса.

– Если все дело во внимании, то его же можно отвлечь, – медленно заговорил боярич, излагая только что пришедшую ему в голову идею. – Например, организовать некую проверку из столицы. Это не только полностью переключит внимание губернских властей на другой объект, но и позволит…

– Отправить достаточное количество людей, которых хватит для нормального наблюдения за Кратовым, вы это хотели сказать? – Цесаревич моментально подхватил идею подчиненного и покивал. – Что ж, ваша затея вполне может сработать. Я обдумаю это предложение, а пока действуйте, как и договорились.

– Конечно, ваше высочество. – Боярич коротко поклонился и покинул кабинет.

Тренировки с ученицами и Леонидом шли одна за другой. Ольга старательно приводила Вербицкую в форму, утерянную той по недосмотру матери, заодно выбивая из нее всякую щепетильность в спаррингах, то и дело подводя нашу актрису к необходимости использовать «запрещенные» удары. А та наконец начала понимать, что неиспользование подобных приемов приводит лишь к одному результату… избиению. Пару раз, когда Маша была готова сорваться в истерику, мне приходилось самому выходить против нее. Клин клином вышибают, так что после каждого спарринга в полный контакт со мной Вербицкая резко прекращала дурить… ну, когда приходила в сознание после боя. А судя по довольному выражению лица Леонида, про нытье его подруга позабыла еще раньше. Втянулась…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.